

Вестники времен

Андрей Мартьянов
Творцы апокрифов

«Лениздат»

1999

Мартьянов А.

Творцы апокрифов / А. Мартьянов — «Лениздат»,
1999 — (Вестники времен)

1189 год на дворе. Европа взбудоражена и находится в состоянии сладкого ожидания – христианские короли обязаны отбить у султана Саладина захваченный Иерусалим. Третий Крестовый поход объявлен! Три великих державы Европы вступили в войну с арабским миром – Англия, Франция и Второй Германский Рейх идут на Восток, в Палестину. Но что, в таком случае, делать в данной ситуации офицеру Рейха Третьего и сотруднику службы безопасности из России XXI века? Для них не существовало восьми столетий, отделяющих эпоху крестоносных воинств и грохочущие годы техногенной цивилизации. Они пришли в век двенадцатый не по своей воле. Они здесь чужие. Второй том серии А. Мартьянова «Вестник Времен» продолжает серию приключений Гунтера фон Райхерта и присоединившегося к нему Сергея Казакова, друзей, способных оказать влияние на судьбу всего мира!

© Мартьянов А., 1999

© Лениздат, 1999

Содержание

Парод[1]	5
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	22
Интермедия	35
Глава третья	39
Глава четвертая	51
Глава пятая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Мартьянов, Марина Кижина

Творцы апокрифов

Посвящается одержимцам от истории

«Апокриф – дополнение к официальному мифологическому циклу, сочиненное, как правило, позже; признаваемое, однако не почитаемое последователями указанной религиозной формации наравне с первоначальными источниками...»

«Словарь литературных терминов»

«И видя ученики его сказали: Господи! Хочешь ли, чтобы мы попросили и огонь сошел с неба и истребил их, как Илия сделал?»

Но он, обратившись к ним, запретил им и сказал: Не знаете, какого вы духа: ибо сын человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать».

Лука 9:54

В тексте использованы стихи:

Н. Гумилева, Скади, Л. Бочаровой, Е. Сусорова, В. Набокова, А. Семенова, Омара Хайяма

Парод¹

Кто ходит в гости по утрам?

Прошел патруль, стуча мечами,
Дурной монах прокрался к милой,
Над островерхими домами
Неведомое опочило.
Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами Господня гнева,
И пахнет звездами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.
Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.
Торжественный, гранитнокрытый,
Он охранял наш город сонный,
В нем пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.
Слова их скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы,
Им древние открыты тайны
Как строить каменные храмы.

¹ Парод (*греч.*) – вступительная песнь хора перед началом трагедии.

Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,
Мы попросили так спокойно
Тебе и мне благословенья.
Великий Мастер с нивелиром
Стоял средь грохота и гула,
И прошептал: «Идите с миром,
Мы побеждаем Вельзевула».
Пока они живут на свете,
Творя закон святого сева,
Мы смело можем быть, как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

– Иду, иду уже! Хватит барабанить. Дверь выломаешь! Господи, да кого принесло в такую рань?

Отец Колумбан, шаркая босыми ногами по утоптанному до гранитной твердости земляному полу своей отшельнической пещерки и слегка прихрамывая, подошел к двери, ведущей наружу. По его расчетам время давно перевалило за полночь и подступал час хвалитн. Обычно перед рассветом святого пустынного прихожане из окрестных сел не беспокоили, но... Всякое случается в этом несовершенном мире – люди болеют и умирают, а пожилой священник никогда не пренебрегал обязанностями, возложенными на него Господом Богом, Святой Матерью Церковью и самим собой. Облегчать страдания души и тела паствы не есть ли первейший долг пастыря?

В толстые доски притвора молотили кулаками уверенно, настойчиво и нагло. Это явно не могли быть трое молодых людей, в последнее время проводивших у отца Колумбана целые дни – шевалье де Фармер вечером увел обоих своих «оруженосцев» ночевать в замок; завтра они собирались съездить в Аржантан, за необходимым к грядущему путешествию снаряжением. И уж точно не спокойные, дородные, немногословные и чтущие покой отшельника крестьянки, приносящие святому отцу по утрам молоко или творог.

Старик, морщась от боли в серьезно поврежденной несколько дней назад ноге (след от жесткой веревки заживал с трудом), отнял от двери подпиравший ее кол и безбоязненно распахнул тяжелую створку – опасаться было нечего, ибо даже самые закосневшие в грехах разбойники никогда не тронут священника: такой грех и Дева Мария не убелит. Разбойники, между прочим, отнюдь не стремятся к гибели души, и как прихожане куда более радеют о Спасении, нежели многие благодравные дворяне, грешащие направо и налево.

– Ага, старый безумный гибернийский² волчара! – беременное рассветом небо загорела тень человека. – Ты что наделал, святокупец?

– Э-э-э... Что? – слегка опешил отец Колумбан от такого напора, но мигом ощетинившись, рыкнул в ответ: – Не тебе отчета с меня спрашивать! Сгинь!

– И не подумаю, – ночной гость бесцеремонно оттеснил отшельника вглубь землянки, переступил порог и, сторонясь самодельного алтарчика с немногими горящими свечами у восточной стены, уверенно прошествовал к столу. Он явно бывал в жилище монаха не раз, это было заметно по уверенным движениям. – У тебя пиво найдется?

– Тебе здесь что, трактир? – огрызнулся бородатый старикан, но все-таки взял кувшин и плеснул в пустую глиняную чашку пахнущего ячменем напитка. – Говори, раз пришел. А потом – выметайся. И чтоб духу...

² Hibernia (лат.) – Ирландия.

– Хам и потомок Хама, – буркнул гость, поглощая пиво. – Думаешь мне легко? Только вчера как проклятый жарился весь день на византийском солнышке... Монферрату, понимаешь, приспичило явиться в Констанц с новой сногшибательной идеей, и проворачивать свою бездарную интригу он решился с помощью не кого-нибудь, а самого кесаря Андроника... Впрочем, тебе это малоинтересно. Ты ведь в дела большого мира не лезешь, гадишь по мелочи.

– Где уж нам, сирым, – ядовито усмехнулся отец Колумбан, скучным взглядом рассматривая неожиданного посетителя. Последний был дороден, не особо высок ростом, имел рыжевату «сарацинскую» бородку, упитанные щеки, и узкие, почти восточные, хитрые глазки. Купчишка какой-нибудь. Не из богатых. – Это только ты со своим хозяином гадишь по крупному. Да так, что потом на весь христианский мир смердит.

– Ну, не только на христианский, – хохотнул толстяк, и вдруг поморщившись, кивнул отшельнику на лежащую рядом толстую книгу в черном переплете, кою святой Колумбан читал на ночь. – Умоляю, убери отсюда эту католическую пачкотню, мешает...

– Алан Лилльский-то тебе чем не угодил? Хороший поэт, а богослов еще лучший... – отшельник все-таки передвинул инкунабулу подальше, чтобы не раздражать своего старого знакомого. По мнению отца Колумбана, его нынешний гость был самым безобидным (если такое слово вообще применимо к демонам свиты Люцифера), существом и только с ним старый монах соглашался время от времени общаться, когда противоборствующие стороны желали установить краткое перемирие или поделиться взаимноинтересующими новостями... Сам мессир дьявол, в мире смертных появляющийся крайне редко, до бесед с необычным пустынным старцем старался не снисходить. Видимо, завидовал его близости к Сфере, из которой сам был навсегда изгнан несчетные века назад.

– Вот ответ, Калькодис, разве ты не признаешь, что единственной истинной наукой, из которой проистекают все прочие, является богословие?

– Признаю, – охотно закивал толстячок. – Еще как. Но это не мешает мне постигать и прочие премудрости. Одна из важнейших гласит: «Не лезь в дела Великих, неприятностей не оберешься». А ты, тупица, что вытворяешь?

– Будешь грубить – выставлю, – пригрозил отец Колумбан. – Ну, чем твой сюзерен на этот раз недоволен?

– Да хотя бы вот этим! – гость вскочил, просеменил к углу землянки и сдернул холстину с некоего громоздкого и длинного металлического предмета. Вороненая сталь слабо отражала лучики свечей. – Такая вещь не должна находиться в данном времени! Будь ты поумнее, давно разобрал бы ее, а части отнес в замок, кузнецу – пусть переплавит.

Действительно, авиационный пулемет образца 1937 года смотрелся в XII веке так же нелепо, как Папа Римский в синагоге.

– Ну почему, – взвыл, по-фиглярски вытягивая руки к потолку и закатывая глаза, Калькодис, – почему эти лицемерные богомазы толкуют пред честным народом о нерушимости Творения, невмешательстве в Господни труды, а на деле сие Творение по камушку разрушают?! Ах, сколько ханжества и фарисейства приправленного ладанным соусом гордыни разума!..

– Перестань паясничать, и скажи толком, зачем тебя прислали. – Отец Колумбан нетерпеливо побарабанил палицами по неровной столешнице. – Ты и без того лишил пожилого человека ночного отдыха.

– Человека, – фыркнул толстяк, однако утихомирился. – Скажешь тоже. Ладно. Вот ответ, почему наш, такой спокойный, незыблительный и сонный мир превратился в проходной двор? Отчего, любопытно, мастерски исполненная картина Большого Творения загажена каплями вонючей малярской краски, выплеснувшейся незнамо откуда? Мой покровитель крайне недоволен – цепь событий нарушена, грядет лавина, запросто способная смести к едрене фене весь миропорядок.

– Не ругайся, не в кабаке, – машинально заметил отшельник. – И вообще, вы со своим сюзереном ошибаетесь. Если так происходит – значит, таково Предопределение божественной мысли. Творец всезнающ, а значит все происходящее ныне и способное произойти в будущем ему известно. Согласись, он не станет – в отличие от вашей шайки – вредить своему собственному и любимому миру.

– Да? Его «любимый» мир, остался там, за гранью этой новосозданной Вселенной. А тут начало твориться незнамо что. Пока беда незаметна, как ты не видишь первое пятнышко проказы на губе. А когда спохватишься – будет поздно. Уяснил? Так хочется поглазеть на Апокалипсис из первого ряда? Не рано ли?

– И что вы предлагаете? Насколько я знаю Князя Ночи, он никогда не вмешивается в мирские дела лично, действуя только через неразумных и грешных смертных... Никого не убивает сам, но нашептываниями вкладывает кинжал в руки людей. Хотите устранить гипотетическую опасность таким способом? Бойтесь Апокалипсиса, где вам придется несладко? Действуете по принципу «хоть день, да мой»?

– Какая проницательность. – Калькодис растянулся в улыбке. – А если это и правда, то что здесь такого? Вот сейчас я расскажу последние византийские новости, у тебя волосы дыбом встанут. На всех – хи-хи-с – местах. И этого не случилось бы, если б твои любимчики – два безмозглых самоуверенных идиота с ветром в головах, не сунулись месяц назад в Англию и не подняли королевство вверх тормашками. Последствия теперь не расхлебаешь.

– Ну? – сдвинул брови святой. – Излагай.

– ...*Синяя лента Босфора, проложенная древними богами незримая граница между Европой и Азией, убежала между зелеными всхолмьями за горизонт*, – поэтически начал толстяк безо всяких предисловий. Отец Колумбан устроился поудобнее на лавке и приготовился слушать долгую историю, по опыту зная, что язык у раннего гостя подвешен отлично и рассказчик он великолепный. – *Босфор, сверкающая нить между стоячими, тяжелыми водами Мраморного моря и прозрачными солеными волнами Эвксинского Понта...*

Часть первая

Скачет белка в Лангедок

«...Его память была населена толпами бродяг-вагантов, которые в последующие годы, как я заметил, стали еще многочисленнее на дорогах Европы. Лжемонахи, шарлатаны, мошенники, жулики, нищие и побирухи, прокаженные и убогие, странники, калики, сказители, безродное священство, бродячие студенты, плуты, обиралы, оставные наемники, бесприютные иудеи, вырвавшиеся из лап неверных, но получившие расстройство духа, сумасброды, преступники, бегущие от закона, колодничи с отрезанными ушами, мужеложцы, а вперемешку с ними – кочующие мастеровые: ткачи, медники, мебельщики, точильщики, плетельщики, каменотесы, – а за ними снова и снова вороватый люд любого мыслимого разбора: надувалы, оплеталы, ошукалы, обдурилы, тати ноцные, карманники, зерники, тяглецы, протобестии, промышляльщики, острожники, попы и причетники, шарящие по церквам, и разный прочий народ, живущий барьянами с чужой доверчивости: поддельщики папских воззваний и булл, продавцы индульгенций, мнимые паралитики, не дающие людям проходу на каждой церковной паперти, расстриги, удравшие из монастырей, торговцы чудотворными мощами, лжеисповедники, гадатели, хироманты, колдуны, знахари, целители, шаромыжники с церковными кружками, присваивающие пожертвования, любострастники, совращающие монашек и честных девишек как обманом, так и насилем; и многочисленные притворицики, якобы страдающие водянкой, эпилепсией, геморроем, подагрой, язвенной болезнью, не говоря уж о скорбящих бледной немочью».
Умберто Эко, «Имя Розы» (о дорогах Средневековой Европы)

Глава первая

Коловращение жизни

10 – 15 сентября 1189 года.

Баронство Фармер, Нормандия – Тур, Аквитания.

В Европе и островном королевстве Британия издавна принято отмечать развилки дорог крестами. Они возвышаются на всех перекрестках: поплоче, наспех сколоченные из двух толстых жердин, получше, вырубленные из гранита или известняка, поливаемые дождями, пригреваемые солнцем, засыпаемые снегом и почитаемые людьми. Сколько песен сложено про нежданные встречи у таких вот крестов, сколько слышано ими прощальных слов, обетов и проклятий, сколько видано проходящих мимо армий, обозов, пилигримов и иного бродячего люда!

Крест на границе маленького баронства Фармер в Нормандии, неподалеку от деревушки Сен-Рикье, выглядел вполне достойным своего высокого предназначения. Он отмечал слияние сразу трех немаловажных дорог: одна убегала к полуночи, на Аржантан, другая к полудню, на

Алансон, и третья на восход, к Лэглию. Потому и красовавшийся на пригорке знак сработали основательно: глубоко вкопанное изваяние из местного серого ноздреватого камня высотой в полтора человеческих роста, похожее на деревце с коротко обрубленными ветвями, образовавшими крест, замкнутый в кольцо.

В десятый день месяца сентября, незадолго до наступления полудня, возле креста остановилась маленькая пестрая группка всадников. Кони нетерпеливо фыркали, мотая головами и звеня пряжками на уздечках. Их хозяева шумно прощались, выкрикивая последние пожелания счастливого пути и легкой дороги. Судя по всему, компания не собиралась расставаться надолго, ибо в общем гаме то и дело звучало:

– Встречаемся через три месяца! Месяца, не года! Опоздаете – ждать не будем!

– Сами-то не заблудитесь, а то очутитесь где-нибудь в Багдаде...

– Святой отец, благословите!..

– В Риме святой отец, сколько раз повторять, грешники! Аз есмь недостойный служитель Божий, сподобившийся мученичества на старости лет... Благословляю! Всех сразу! Ведите себя потише! Доберетесь до Тура – сразу в собор, просить прощения за великие ваши прегрешения!

– Я не виноват, это все лошадь...

Отряд наконец разделился: двое направились на юг, к Алансону, трое повернули на север, то ли к Сен-Рикье, то ли к столице графства, Аржантану. Но, даже разъехавшись почти на сотню шагов, всадники продолжали обмениваться выкриками:

– Лохлэннех! За мной поединок! В следующий раз точно убью!

В ответ долетело приглушенное:

– Не дожدهшься! Сам такой!..

Изъеденный ветрами и дождями пограничный крест, чье подножье утопало в пыльном бурьяне и длинных, уже начавших желтеть в преддверии осени плетях карабкающегося вверх выюнка, равнодушно прислушивался к звучащим поблизости голосам. Четыре из них точно принадлежали людям молодым, полным сил и желания перевернуть этот дряхлый мир с ног на голову; обладатель пятого наверняка мог похвалиться почтенными годами. Титулом «святого отца», похоже, награждали именно его – высокого старика с лопатообразной бородой (некогда ярко-рыжей, а теперь поседевшей и ставшей некоего пегого цвета), облаченного в светло-серую рясу и восседавшего на длинноухом муле самого глубокомысленного вида.

Пожилого монаха сопровождали двое, судя по виду, рыцарь и оруженосец. Рыжий оруженосец выглядел лет на шесть-семь постарше всего господина, только-только достигшего того возраста, когда окружающие перестают воспринимать подростка как надоедливую мальчишку, и вел себя несколько неподобающим образом, торопя коня и постоянно обгоняя своих спутников. Точно опаздывал на важную встречу, будучи не до конца уверенным, ожидают его там или нет. Молодой рыцарь недоуменно косился на святого отца, ожидая от него истолкования столь загадочного поведения, да так и не дождался ничего вразумительного. Вскоре троица свернула за небольшую буковую рощицу и скрылась из глаз.

Отец Колумбан, монах из Ирландии, ныне отшельничающий на нормандских землях, баронет Мишель де Фармер и его оруженосец Гунтер фон Райхерт из Германии направлялись к деревушке Антрен, в окрестностях которой в последний месяц творились загадочные и подозрительные дела. Загадочность усугублялась непонятными металлическими предметами, обнаруженными в округе святым отцом, и рассказами испуганных вилланов о «большой черной птице», кружившей в небе. Услышав подобное, оруженосец господина де Фармера схватился за голову и впал в глубокую задумчивость, ныне перешедшую в тревожное возбуждение и стремление побыстрее добраться до лесов за Антrenom. С сегодняшнего утра его грызли неприятные предчувствия, и он даже не оглянулся, чтобы махнуть на прощание удаляющимся

приятелям. Собственно, он уже позабыл о них, более занятый размышлениями о собственных грядущих неприятностях.

Путник, столкнувшись с парой, избравшей путь на полдень, поостерегся бы сразу отнести этих двоих к числу «обычных путешественников» и долго бы чесал в затылке, бормоча про себя: «Кого только нынче по дорогам не носит... То ли головорезы-душегубы, то ли благородные рыцари, то ли не пойми кто...»

Впрочем, всадник, ехавший справа на спокойном и выносливом фландрском коне, темно-соловом, со светлой, точно вылинявшей гривой, вполне мог оказаться благородным рыцарем. Благо в его пользу свидетельствовали как красная туника с вышитой на ней тройкой английских золотых леопардов, так и уверенная манера держаться, свойственная людям знатного происхождения. На вид молодому человеку было лет двадцать пять или чуть поменьше, а светлые, почти белые волосы, серые глаза и несколько тяжеловатая нижняя челюсть лишний раз подтверждали, что их обладатель – уроженец острова Альбион, что в переводе означает «Мирная Земля».

Звали подданного Плантагенетов древним, сохранившимся еще с времен римского владычества, именем Гай. Если полностью – сэр Гай Гисборн из Ноттингама. Рядом с этим городом Срединной Англии лежал не слишком обширный манор Локсли, являвшийся собственностью семейства Гисборн, коему в отдаленном будущем предстояло стать владением Гая. Но сейчас сэр Гисборн испытывал редкое удовольствие от того, что между ним и родным домом не только плещутся воды Английского пролива, но и протянулось изрядное число лиг нормандской земли. Гай впервые забрался так далеко от дома, и понемногу привыкал к кочевой жизни, все еще казавшейся ему несколько странной и непривычной.

Зато его спутник, видимо, не представлял иного образа существования и весьма удивился бы, узнав, что многие люди за всю жизнь не покидают пределов родного города или деревни и не слишком огорчаются по этому поводу. Дугал Мак-Лауд, шотландец до мозга костей, забияка и неугомонный искатель приключений на собственную голову и головы своих друзей, искренне полагал, что весь огромный мир с его чудесами создан лишь для того, чтобы он, Дугал из клана Лаудов, не испытывал скуки. Нынешнее предприятие казалось ему очередной забавой, не стоящей пристального внимания. Собственно, путешествие еще толком не началось – всего лишь перебрались с Острова на континент, да проехали немного от Руана до затерянного среди нормандских полей и перелесков поместья Фармер. Жаль, конечно, что пришлось разделить, но ведь только на время! Что такое два-три месяца? Пролетят, и не заметишь.

Посему Дугал Мак-Лауд пребывал в обычном, слегка насмешливом настроении, снисходительно взирая на мир с высоты собственного роста и конской спины, немелодично насвистывал и совершенно не обращал внимания на задумчивость попутчика, уставившегося куда-то поверх лошадиной гривы на медленно уплывающую назад дорогу.

Гай Гисборн размышлял о стремительности перемен, внезапно обрушивающихся на человеческую жизнь и переворачивающих ее, точно захваченный штормом корабль. Причем сии злокозненные коловращения относились именно к нему. Казалось, еще вчера милорд Гай преспокойно жил себе в Лондоне, занимая спокойную, хотя порой хлопотливую должность рыцаря свиты при «малом дворе» принца Джона. Единственно, чего стоило опасаться – происков со стороны господина канцлера де Лоншана. Однако мэтр Лоншан почти не обращал внимания на «малый двор», считая младшего брата короля Ричарда неспособным на какие-либо выступления против могущественного управителя Англии, и обитатели дворца Винчестер могли не беспокоиться о своей безопасности. Сам его величество Ричард Плантагенет в это время находился на побережье Средиземного моря, готовясь вместе со своим войском отплыть в Святую Землю. Вернее, сначала на пути крестоносного воинства лежали острова Сардиния и Сицилия, а уже затем кораблям предстояло идти к Палестине.

И, как водится, в один прекрасный день (если быть точным, двадцать третьего августа) в Лондоне все пошло кувырком. В замок принца Джона явились двое никому не известных молодых дворян – Мишель де Фармер из Нормандии, и его оруженосец, как утверждалось, из Германии, – привезя невероятное известие: в аббатстве святого Мартина, что неподалеку от Дуврской гавани, отсиживается будущий архиепископ и новый канцлер Англии, Годфри Клиффорд, незаконный сын покойного короля Генриха. Прячется же он потому, что опасается за свою жизнь, а аббатство взято в осаду по приказу не кого иного, как мэтра де Лоншана, и занимается претворением этого приказания в жизнь сестра господина управителя, леди Риченда...

Подробности следующих двух дней Гай вспоминал с трудом – все перепуталось, осталось только ощущение быстро мелькающих перед глазами событий. Точно ночная гроза, когда блеск ударяющих из небес в землю молний выхватывает из темноты несвязанные между собой картины. Гроза, впрочем, была самой настоящей – она сопровождала вылетевший из Лондона и направившийся к Дувру отряд, призванный спасти архиепископа, если еще не поздно. Изрядно напуганный размахом действий и грозившим вот-вот начаться бунтом горожан Лоншан предпочел бежать из столицы, прихватив с собой часть собственных сбережений, а вся полнота власти досталась вовремя вступившему в игру принцу Джону. Господину канцлеру не повезло – в гавани Дувра его опознали, и, как отлученного от церкви, без лишних разговоров вздернули на первой же виселице.

Маленький заговор, родившийся в одной из зал Винчестерского дворца, несколько неожиданно для участников увенчался полным успехом. Когда общее напряжение и волнение схлынули, выяснились новые любопытные подробности. Например, что вокруг начатого тремя королями – Ричардом Английским, Филиппом-Августом Французским и императором Германского Рейха Фридрихом Рыжебородым – Крестового похода затевается некая весьма неприятная и непонятная кутерьма, имеющая целью если не прекращение похода, то его задержку на неопределенное время. Кому-то очень не хотелось видеть европейцев в Святой Земле, и этот «кто-то» не слишком церемонился в выборе действий, одной рукой заключая союзы со зловещей сектой исмаилитов, а другой стравливая вождей будущего похода...

Гай имел самое смутное представление о том, как делается большая политика. Для него, как и для многих иных рыцарей и простолюдинов Европы, все выглядело чрезвычайно просто и ясно: неверные захватили Иерусалим, значит, нужно собрать армию и вернуть Вечный город. Теперь оказывалось, что в готовящемся походе имеется слишком много участников с прямо противоположными устремлениями, и предстоит заставить их объединиться, хотя бы внешне. Кроме того, для похода требовалось золото, снова золото и еще раз золото, не считая нескольких тысяч воинов, лошадей, оружия, кораблей и множества необходимых вещей.

«Конечно, я всегда мечтал стать в ряды освободителей Палестины, – размышлял сэр Гисборн, покачиваясь в седле и уставившись невидящим взглядом куда-то меж дергающимися лошадиными ушами. – Но я думал, все произойдет по-другому... Торжественнее, что ли. Внушительнее. Со знаменами, благословениями, напутствиями, и чтобы прекрасные дамы рыдали и махали вслед платочками... А тут – раз, два, собрались и поехали. Да еще святой отец утащил куда-то Мишеля с Гунтером. Секреты у них, видите ли! Навязали мне какое-то жуткое горское чудовище в попутчики... Ох, чуёт мое сердце – недалеко мы уедем! Смех один, а не спасители Гроба Господня».

* * *

«Горское чудовище», совершенно не подозревавшее о столь нелестном наименовании своей персоны, перестало свистеть и, привстав на стременах, огляделось вокруг. Не обнаружив ничего подозрительного или любопытного – в самом деле, что может встретиться на обычной-

шей наезженной дороге в самом сердце благополучного Нормандского герцогства? – Мак-Лауд плюхнулся обратно в седло и громогласно поинтересовался:

– О чем мыслим?

– Об неожиданных изменениях в людских судьбах, – осторожно сказал Гай. – И о том, что мне не очень верится в происходящее вокруг. Мы ж не просто едем, куда глаза глядят. Мы идем в Крестовый поход!

– Ну и что? – равнодушно пожал плечами Дугал. – Развели шуму на всю Англию и континент впридачу, а толку чуть. По мне, обычнейшая война, только очень далеко. Впрочем, если хочешь, чтобы в тебе за лигу узнавали будущего победителя сарацин, можешь нарисовать себе крест на лбу. Помочь?

Гай обреченно вздохнул. Еще никому из их небольшой компании не удавалось переспорить или переубедить Мак-Лауда. Разве что святому отцу, да и то благодаря немеркнущему сиянию ореола отшельника и святого подвижника. Будучи сообразительным молодым человеком, сэръ Гисборн предпочел благоразумно сменить тему разговора и спросил, обращаясь больше к самому себе:

– Интересно, какая она, Палестина?

– Доберешься – увидишь, – незамедлительно откликнулся Дугал. – Впрочем, я слышал рассказы людей, побывавших там. Говорят, в этой Палестине нету ни таких рек, как у нас, ни лесов, один сплошной песок и жара. Да, и не забудь про сарацин, которых ты собираешься рубить на кусочки. Вряд ли они охотно согласятся с твоими намерениями.

Он задумался и добавил:

– Другие говорили – это земля, где вместо воды текут молоко и мед, а сады похожи на рай... Знаешь, что мне кажется? Когда мы туда попадем, то увидим, что она совсем другая, чем мы думаем и чем нам говорили. Так всегда случается. Можешь поверить слову человека, вволю пошлявшегося по доброй половине Европы.

Гай давно подозревал, что остававшаяся для всей честной компании загадкой прежняя жизнь Мак-Лауда была достаточно бурной, и почувствовал нечто вроде мимолетной зависти к попутчику. Вроде ненамного старше его самого, самое большее лет на пять, а уже успел повидать столько стран, городов и разных людей!

– Половина Европы – это как? – раз на шотландца напал очередной приступ болтливости, этим нужно пользоваться. Мак-Лауд любил потрепать языком, и под настроение мог рассказать много любопытного. – Я так полагаю, ты воевал в чьей-то армии?

– Ага, – Дугал мотнул встрепанной шевелюрой, отчего пара заплетенных у висков тонких косичек размашисто качнулась из стороны в сторону. – Погоди, дай вспомнить... Значит, сначала я угодил к Филиппу Французскому. Тогда, лет десять назад, он только-только взобрался на престол, и держался обеими руками, чтобы не спихнули любящие родственники. Я дрался на его стороне, потом подался к Ричарду. Он с братцами в очередной раз поссорился с собственным папашей, Старым Гарри. Ричарду не слишком везло – против него выступили стоворившиеся Генрих и Филипп, а я понял, что мне надоело рисковать своей единственной шкурой за английских да французских принцев и королей. Какое мне, в сущности, до них дело? Мы никогда не видели от них ничего хорошего. Я решил податься на полдень – никогда там не бывал, а небылиц слышал столько, что в голове не умещалось. Шел себе и шел, никуда особо не спешил, ни во что не встречал, перебрался через какие-то горы и вдруг мне говорят: «Это уже Италия». Италия так Италия, одна страна ничуть не лучше и не хуже другой.

– Италия... – задумчиво протянул Гай, словно пробуя название далекой страны на вкус. – Расскажи, на что она похожа?

– На праздник, – без раздумий ответил Мак-Лауд. – Затянувшийся праздник, который никогда не кончается. Все уже забыли, что празднуют, но не могут остановиться. Еще там все резкое и яркое – и люди, и еда, и цвета, даже запахи. Достаточно на день задержаться в

любом городе, чтобы голова пошла кругом. Я не успел даже ничего сообразить, едва выучился связывать между собой пару слов по-тамашнему, как очутился в войске Фридриха Германца, того, которого кличут Барбароссой-«Рыжебородым» – он что-то не поделил с итальянцами, то ли земли, то ли налоги с городов. Но Рыжий требовал от своих подчиненных такого порядка, что я очень быстро сбежал и ушел к его врагам. Мы устроили отличную битву, Фридриху изрядно досталось, но итальянцы, как назло, перессорились между собой, а заодно повздорили с своим папой...

Гай внимал, чуть склонив голову набок и приоткрыв рот. Его заворожили не столько хитросплетения малопонятной ему истории войн на Италийском полуострове, сколько манера Дугала рассказывать, перескакивая с одного на другое, повинувшись известным только ему сообщениям и совершенно не обращая внимания на слушателей.

– ...Я вдруг решил, что цель всей моей жизни – вступить в папскую армию. Наверное, заразился местным безумием. Итальянцам хорошо – они рождаются с головой набекрень, а я-то ничего не понимал, только разевал рот, глазел по сторонам и, наверное, выглядел как последний дурак. В общем, послужив в папском войске, которое почему-то состояло сплошь из иноземцев, а воевало с сицилийцами, оказавшимися самыми настоящими норманнами, я сказал: «Хватит! Еще немного, дружище, и ты окончательно спятишь в этой стране дешевого вина, сговорчивых девчонок и правителей, всегда готовых вцепиться в глотку друг другу. Италия прекрасна, но тебе лучше держаться от нее подальше».

– Что же случилось потом? – спросил Гисборн, стараясь не засмеяться.

– Ничего примечательного, – безмятежно отозвался Мак-Лауд. – Покидал в мешок имевшееся барахло, расплатился с долгами, сказал приятелям «Счастливо оставаться» и дал деру. Подумал, что настала пора глянуть, как обстоят дела на Острове. Человеку, как я не раз убеждался, хорошо только дома.

– Тогда почему ты не в своем, как его... – Гай тщетно попытался вспомнить не раз упоминавшееся Мак-Лаудом название его родного не то города, не то просто поселения, затерянного где-то на севере в шотландских горах.

– Не в Гленн-Финнан? – Дугал презрительно хмыкнул. – Что мне там делать? Ковыряться в земле или развлекать соседей всяческими рассказами? Кроме того, мне не стоит лишний раз показываться в наших краях. Короли умирают, но у их слуг память до-олгая...

– При чем здесь короли? – Гисборн уже ничему не удивлялся.

Мак-Лауд внезапно замолчал, а потом неохотно буркнул, словно торопясь поскорее отделаться от неприятных воспоминаний:

– Лет десять назад я случайно прикончил одного типа... Сейта, англичанина. Командира отряда, стоявшего в Гленн-Финнан. По нашим, шотландским законам, правда была на моей стороне, а вот по уложениям Старого Гарри кое-кому предстояло на завтрашний день сплестись в воздухе. И происхождение не спасало. Для королевских псов что шотландское дворянство, что наши же вилланы – все едино. Я, конечно, в ту же ночь удрал из-под стражи, но мой папаша мудро решил не рисковать и не ссориться с англичанами, укрывая нашкодившего сынка. Он указал мне на дверь. Тогда-то я жутко разозлился, но теперь понимаю, почему он так поступил. Мне, младшему в роду, все равно ничего не полагалось – ни земли, ни денег. Рано или поздно пришлось бы уходить из дома, искать покровителя, поступать на службу... Тогда я подумал, что у меня имеется все, что нужно человеку – меч и голова на плечах. И отправился на поиски двух самых непостоянных вещей в мире – славы и золота, сам по себе и сам за себя. Ежели я теперь заявлюсь домой, семейство не слишком обрадуется. Папаша наверняка уже отдал Богу душу, значит, всем заправляет мой старший братец, Малкольм. Ему совершенно не нужен нахлебник, да еще с моим характером и привычкой встревать не в свои дела. Такая вот история, – Дугал кривовато ухмыльнулся. – Хватит обо мне. Скажи-ка лучше, ты запомнил, что наговорил отец Колумбан о том, как нам побыстрее добраться? Я обычно не мудрил: ехал от одного города до

другого. Там порасспросишь, здесь узнаешь что-нибудь полезное... В любом рыцарском копье найдется местечко для человека, умеющего обращаться с оружием. Гэллоуглас редко остается без работы.

– Кто? – переспросил Гай. Мак-Лауд довольно бойко и правильно говорил на норманно-французском, если не считать тягучего акцента и привычки время от времени вставлять словечки родного гаэльского языка.

– Наемник, – кратко пояснил Дугал, в очередной раз награждая своего коня резким ударом поводьев и пинком в брюхо. Долговязый серый жеребец, купленный в Руане и, несмотря на хвалебные речи продавца, обладавший крайне скверным нравом, зло фыркнул. Гай подозревал, что шотландец нарочно выбрал именно такую норовистую и коварную скотину, чтобы потягаться с ней в упрямстве. Ездить на обычной покладистой лошади он, разумеется, считал ниже своего достоинства. – Так как насчет дорог?

– Сначала до Алансона, – принялся вспоминать подробные наставления святого отца сэра Гисборн. – От него пять или шесть дней по хорошей дороге до Тура через Ле-Ман. В Туре надо найти корабль, уходящий вверх по Луаре. Как утверждал отец Колумбан, это нетрудно – сейчас осень, время ярмарок, и Луара больше похожа на проезжую дорогу, чем на реку. Плыть нам до города Невера, а если повезет, до Роана. Потом сходим на берег и отправляемся в Лион, до него там рукой подать. Оттуда уже проще простого: либо кораблем вниз по Роне, либо верхами вдоль берега. Заблудиться невозможно. Рона впадает в Средиземное море, неподалеку от ее устья стоит так необходимый нам порт Марсель, где мы подыскиваем корабль, который довезет нас до Константинополя. Через месяц-полтора, если все пройдет благополучно и на нас не свалится какая-нибудь столь любимая тобой неприятность, будем на месте.

– Послушать тебя, так попасть в Константинополь – проще, чем с бревна упасть, – вполголоса заметил Мак-Лауд.

– Если не собьемся с дороги, то да, – кивнул Гай.

– Не доверяю я этим кораблям, рекам и морям, – упрямо стоял на своем шотландец.

– Потому что плавать не умеешь, – съязвил Гисборн, припомнив шумное знакомство их маленькой компании с Мак-Лаудом в Дуврской гавани. – Согласен, самое трудное – дорога из Марселя в Константинополь. Но благодаря покойному мэтру Лоншану мы теперь люди богатые, так что наверняка нам подвернется стоворчивый капитан и быстрое суденышко. Кстати, тебя во время столь лихих странствий случайно не заносило в Константинополь?

– Нет, – с заметным сожалением признался Дугал. – В Риме как-то полгода прожил, а в Константинополе не бывал. Говорят, это самый большой и богатый город в мире...

– Проверим, – самонадеянно заявил Гай. К нему возвращалось обычное хорошее настроение, все грядущие трудности казались преодолимыми и незначительными, и на далеком горизонте переливалось всеми красками нарождающегося рассвета притягательное и таинственное слово «Палестина». Мир по-прежнему был прекрасен, и его радостного сияния не могло омрачить даже мрачноватое прошлое попутчика сэра Гисборна.

* * *

Спустя ровно пять дней после беседы на Алансонской дороге, незадолго до звона колоколов, отмечающих середину дня, стражники у ворот святого Георгия в городе, называемом Тур-сюр-Луар или Тур-на-Луаре озадаченно скребли в затылках, пытаясь вспомнить, не проезжали ли вчера или сегодня утром мимо них два молодых человека довольно своеобразной и приметной наружности. Стражники уже привыкли, что порой их недолгая память вынуждена совершать подобные усилия, но не жалели – как правило, вслед за мысленным усилием следовало звонкое и блестящее вознаграждение. Сегодняшний случай, однако, не сулил даже самой

малой выгоды, ибо вопрошающий обладал высоким титулом королевского гонца и ужасно злился на скудоумие и нерасторопность турецкой стражи.

Гонца одолевали мрачные предчувствия, и потому умственные потуги караульных не производили на него должного впечатления. Люди, которых ему поручили догнать, наверняка успели покинуть город, а с ними исчез последний шанс выполнить данное поручение. Ради этого поручения на дороге из Аржантана в Тур остались две загнанные лошади и множество изумленных хозяев постоянных дворов, у которых гонец торопливо выспрашивал о всех недавних путниках, направляющихся на полдень. Слова трактирщиков обнадеживали: гонца и преследуемых разделяли какие-то жалкие три-четыре лиги.

Однако впереди уже поднимались над мутноватой водой Луары желтоватые стены и башни Турской крепости, а предназначенное неуловимым приятелям письмо все еще оставалось в сумке гонца.

– Двое рыцарей, один по виду англичанин, другой – шотландец, – в который уже раз повторил срочно вызванный к воротам начальник стражи. Гонец не понял, к кому он обращался – к рассеянному внимавшим подчиненным или пытался оживить собственную память. – Беловолосый молодой человек в красной тунике с леопардами и высокий тип в черно-желтом пледе с мечом за спиной...

Гонец устало кивнул. Разговаривать не хотелось, а сил на очередное бессмысленное повторение описания разыскиваемых не оставалось. Ничего не поделаешь, остается признать, что след потерян и возвращаться назад. Конечно, для очистки совести следовало бы порасспросить у всех ворот или обратиться к бейлифу города, да только какой с того прок? Господа рыцари торопятся в Марсель; возможно, в этот миг они плывут вверх по течению Луары или со всей возможной поспешностью скачут к следующему городу на их пути. Их не догнать.

– Вчера такие проезжали! – внезапно рявкнул кто-то из стражников и сам удивился сохранившемуся воспоминанию и воцарившейся вокруг тишине. – Точно, вчера вечером заявились, сразу после заката. Вместе с обозом мэтра Барди. С ними и в город вошли. Мы еще подумали – надо ж, вроде благородные господа, а едут с торговцами...

– Где мне найти этого Барди? – перебил разговорчивого блюстителя порядка слегка оживившийся гонец.

– А тут неподалеку. Он, как приезжает с товаром, всегда в одном и том же месте останавливается. Трактир «Золотой кочет». Прямо, потом вторая улица налево, дальше любой покажет.

«Кажется, повезло, – равнодушно подумал гонец, шлепая усталую лошадь поводьями по шее и въезжая под нависающую над головами массивную арку ворот святого Георгия. – Теперь осталось только отыскать трактир и убедиться, что я нашел именно тех, кто мне нужен. Вряд ли стража ошиблась – эту парочку трудновато с кем-нибудь спутать. Что ж, тем лучше для меня».

* * *

Гай Гисборн и Дугал Мак-Лауд столкнулись с обозом мэтра Барди в городке Шато-дю-Луар, вернее, не в самом городке, а возле переправы через реку Луар. Упряжка из шести пыхтевших и фыркавших тяжеловозов с заметным усилием затаскивала на настил заметно осевшего в воде паром огромный неуклюжий фургон, две других повозки терпеливо дожидались на берегу своей очереди. Обоз сопровождала пестрая, шумная и весьма многочисленная – не меньше трех или четырех десятков человек – толпа, состоявшая из подчиненных уважаемого мэтра, возниц, охранников и личностей, чей род занятий с первого взгляда не поддавался определению. Компания подобралась громогласная и на редкость разноплеменная: присутствовали как сородичи мэтра, то есть итальянцы, так и торговцы из Англии и Нормандии, ведущие дела вместе с семейством Барди.

Предприимчивое сообщество уже объездило нынешней весной и летом всю Бретань и северное побережье Франции, и теперь двигалось на полдень, намереваясь к началу следующего месяца достичь пределов Лангедока, где со дня святого Реми³ начиналась пора осенних ярмарок. Судя по всему, промыслам компании пока сопутствовал успех – лошади выглядели сытыми и ухоженными, громоздкие фургоны натужно поскрипывали под тяжестью хранящихся в них сундуков и мешков, что недвусмысленно свидетельствовало о процветании торгового дома Барди и их компаньонов.

Сэру Гисборну встреча с обозом показалась лишь досадной, но ничего не меняющей в их планах задержкой. Мак-Лауд же придерживался иного, прямо противоположного мнения. К немалому удивлению Гая, шотландец почти сразу же наткнулся на знакомых, помнивших его по временам путешествий по дорогам Италии, а к тому времени, как второй фургон одолел реку, выяснилось, что пути будущих крестоносцев и нынешних торговцев совпадают: и те, и другие направлялись в Тур. Гисборн не успел рта открыть, как его спутник жизнерадостно заявил, что дальше они поедут в отличной компании, то есть вместе с обозом. Гай попытался возразить: мол, фургоны еле плетутся, – и услышал в ответ удивленное: «Мы куда-то опаздываем? До Тура не больше шести лиг, спешить некуда».

С некоторым раздражением в душе Гай согласился. Он, в сущности, ничего не имел против торгового сословия, просто ему не понравилось соседство с крикливыми, назойливыми и суматошными выходцами из Италии. Мак-Лауд, как выяснилось, дал им совершенно верное определение – эти люди в самом деле выглядели чересчур резкими во всем, начиная от жестов и заканчивая манерой разговора. Даже их язык, некогда звучавший как благородная латынь, теперь стал грубее и намного проще. Сэр Гисборн, не выдержав, подстегнул коня и отправился на поиски более подходящего общества.

Вскоре он обнаружил, что возле фургона, замыкающего обоз, распоряжаются его соотечественники, и пристроился неподалеку, не вступая, впрочем, в долгие беседы. Дугал куда-то запропастился, повозки, как предсказывал Гисборн, катились по тракту со скоростью неспешно рыскающей лошади, и к вечеру на горизонте показались сначала тускло мерцающая в наступающих сумерках серебристая полоса Луары, а затем неясные очертания городских укреплений.

Стражники на воротах отлично помнили мэтра Барди по его предыдущим визитам, а потому обычно долгая и хлопотливая церемония досмотра товаров и сбора налогов не затянулась, пройдя без особых трудностей. На господ рыцарей, пристроившихся к обозу, никто не обратил внимания, и, заплатив положенную мзду, они въехали в город, когда-то расчетливо основанный римлянами в излучине между двух рек, Луары и Шер. По молчаливому уговору они по-прежнему держались позади степенно громыхавших по улицам фургонов: торговцам наверняка известны наперечет все постоянные дворы и гостиницы Тура, и среди них они выберут наилучшую – не слишком дорогую и не схожую с клоповником.

Так и случилось, но в сгущающейся темноте никто из компаньонов не разглядел ни улицы, на которой стоял постоянный двор, ни его вывески. Вокруг царил такая суматоха и беготня, что Гай молча порадовался, когда двум путешественникам вручили ключи от комнат и обещали позаботиться о поставленных на конюшню лошадях. Шум, порой затихавший и снова усиливавшийся, продолжался почти всю ночь: кто-то громыхал вверх и вниз по лестнице, на ходу отдавая распоряжения; хлопали двери; со двора прилетали неразборчивые оклики; в завершение вспыхнула краткая, но яростная перебранка по-итальянски, оборвавшаяся также внезапно, как и началась. Причин ссоры Гай не понял, потому что заснул.

Утро же выдалось чудесным – солнечным, если верить пробивавшемуся сквозь тусклые оконные стекла свету, заполненным обычными звуками просыпающегося дома, населенного

³ День святого Ремигия или Сен-Реми, «апостола франков», празднуется 1 октября.

слишком большим числом людей. Горожане редко обращали внимание на этот постоянный ровный гул, похожий на жужжание пчелиного улья, как, наверное, не замечают постоянного шума прибоа жители морских побережий.

Мак-Лауд опять куда-то исчез. Его вещи, небрежно сваленные вчера в первый попавшийся угол, оставались на месте, значит, проснувшийся раньше компаньон просто-напросто спустился в общий зал, по традиции занимавшийся первый этаж гостиницы, и наверняка расправляется с завтраком.

При мысли о завтраке Гай почувствовал себя куда бодрее, нежели прошлым вечером. Потом ему вспомнилось обещание, данное отцу Колумбану – обязательно посетить Сен-Мартен-ле-Тур, собор святого Мартина, и сэр Гисборн только сокрушенно вздохнул. Из-за неразумного животного он теперь кругом виноват перед святым, чьи чудотворные останки немилосердно расшвыряли по всему храму, находившемуся под покровительством того же святого Мартина, только расположенному в Англии. Дугал, узнав подробности этой истории (ведь рассказывать все равно придется), получит большое удовольствие и повод от души посмеяться. Шотландец вообще не испытывал особого почтения к священным реликвиям и как-то сболтнул, что во время службы в Италии стащил из разоренного монастыря склянку якобы со слезами святой Цецилии, каковую без малейшего зазрения совести продал в соседнем городе бродячему проповеднику...

Уже на лестнице сэр Гисборн приостановился и удивленно поднял бровь. Доносившееся снизу неразборчивое бормотание посетителей стихло, без труда заглушенное юношески звонким и на удивление чистым голосом, самозабвенно распевавшим под сопровождение переливов струн виолы. Пели на провансальском диалекте, как и надлежало истинному трубадуру, но с заметным итальянским акцентом, с головой выдававшим подлинную родину исполнителя.

Гай хмыкнул и в два прыжка преодолел оставшиеся ступеньки. Его разбирало любопытство: неужели столь изысканным способом развлекается кто-то из спутников мэтра Барди?

Вместительное помещение обеденного зала сейчас казалось еще больше – торговцы, судя по долетавшей со двора перекличке, бодрому ржанию лошадей и надрывному скрипу колес, готовились к отъезду. Через распахнутую дверь и подслеповатые окна падали блеклые лучи осеннего солнца, освещая до блеска натертые маслом деревянные столешницы и рассыпанную по полу свежую солому.

Своего попутчика Гисборн увидел почти сразу: длинноволосый человек в желто-черном клетчатом одеянии, постоянно вызывавшем недоуменные взгляды, расположился в самом удобном месте – поближе к стойке и недалеко от двери. Возможность в случае неурядиц беспрепятственно исчезнуть, видимо, стала у Дугала намертво въевшейся привычкой.

В другом конце зала, возле еле теплившегося очага, обосновалась почтительно стихшая компания из пяти или шести служащих мэтра Барди. Певец, остановившийся перевести дух, а заодно принять восхищенное аханье и оханье друзей, по своему основному роду занятий, несомненно, относился к их сословию.

– Это кто? – спросил сэр Гисборн, присаживаясь за стол и взглядом указывая на менестреля, снова взявшегося за инструмент. Вокруг мгновенно разгорелся спор о том, какая именно песня угодна почтенному обществу.

– Френсис, – кратко, но маловразумительно ответил Дугал, как обычно, переиначивая иноземное имя на свой манер.

– Френсис, а дальше? – Гай подозревал, что у неизвестного певца, кроме имени, имеется также фамилия, или, на худой конец, прозвище.

– Не знаю, – отмахнулся Мак-Лауд. – Не мешай, дай послушать.

Сотоварищи менестреля наконец пришли к единому мнению. Узнав пожелание своих друзей, молодой человек согласно кивнул и пробежался пальцами по натянутым на широкий гриф виолы струнам.

«Женщины наверняка без ума от такого смазливового красавчика, – с некоторым презрением к суетности и легкомыслию слабого пола подумал Гисборн. – А он, если не глуп, всюю этим пользуется. Только полюбуйтесь – распустил хвост, как фазан по весне!»

Певец в самом деле вполне заслуживал подобного определения. Хорошо (и даже не без роскоши) одетый, на вид лет восемнадцати или девятнадцати, невысокий, однако не кажущийся слабым, черноволосый и смуглый. Довершали картину несколько длинноватый узкий нос с благородной римской горбинкой и ярко блестящие из-под ровно подстриженной челки смеющиеся темные глаза. Молодой человек весьма походил на ожившее представление об «типичном уроженце Италии», и исполняемая им песня вполне соответствовала внешнему облику:

Когда б я был царем царей,
Владыкой суши и морей,
Я всем бы этим пренебрег,
Я все это презрел бы,
Когда проспять бы ночьку мог
С прекрасной Изабеллой...

Раздались приглушенные смешки – очевидно, многие знали упомянутую «прекрасную Изабеллу» отнюдь не с лучшей стороны. Менестрель сдавленно хмыкнул и продолжил дальше:

Ах, только тайная любовь,
Да, только тайная любовь,
Бодрит и будоражит кровь,
Когда мы втихомолку...

На втором этаже гулко хлопнула дверь какой-то из жилых комнат и послышались торопливые шаги спускающегося вниз человека. Никто из слушателей, увлеченных течением задумчиво-вкрадчивой мелодии, не обратил на это внимания.

...Друг с друга не спускаем глаз,
Друг с друга глаз не сводим...

– Франческо!

Струны пронзительно звякнули, песня оборвалась на полуслове. Кто-то охнул и принялся лихорадочно выбирать из-за стола.

– Сколько раз повторять: перестань заниматься ерундой! Мессеры, почему вы всё еще здесь? Собираетесь выезжать завтра? Может, мы вообще никуда не поедим, а предоставим господину Франческо возможность без помех заняться музицированием? Почему никто из вас не может выполнять свою работу без окрика и это обязательно нужно делать мне? Я что, надсмотрщик за рабами или нянька для неразумных младенцев?

Гневная речь, произнесенная суховатым, наполненным тщательно сдерживаемой яростью голосом, принадлежала явившейся под шумок в общий зал молодой женщине в зеленом платье. Если Френсис (чье настоящее имя, как выяснилось, было Франческо) имел в виду под «прекрасной Изабеллой» именно ее, то он безбожно польстил этой особе. Гладко зачесанные назад и собранные в узел темно-рыжие волосы, лицо с заостренными чертами и размашистые движения отнюдь не добавляли даме привлекательности, несмотря на молодость, изящное сложение и скромный, но дорогой наряд.

– Всякий раз, стоит мне хоть на миг упустить вас из виду, вы тут же что-нибудь устраиваете! – не на шутку разошлась девица. – Мне надоело вечно бегать следом, вытаскивать вас из неприятностей, а потом оправдывать перед мессиром Барди! Хватит с меня!

– Но, мистрисс Изабелла... – кто-то отважился робко подать голос. – Мы же не сделали ничего плохого...

– Сейчас не сделали! – презрительно бросила рыжая фурия. – Благодарю покорно!

– Монна Изабелла, вы наш ангел-хранитель, – певец, здорово струхнувший, но не потерявший бодрости духа, сделал неуверенную попытку обратить все в шутку. – Только, если мне будет позволено заметить, для ангела и благовоспитанной девицы вы слишком много кричите...

– С тобой я сейчас разберусь, – многозначительно пообещала сердитая особа в зеленом, и, обернувшись к остальной компании, грозно добавила: – За постой расплатились? Тогда чтоб духу вашего здесь не было! Марш на конюшню!

Ответом стало шуршание соломы под ногами выбегающих во двор людей. Оставшийся без дружеской поддержки Франческо скорбно вздохнул в предчувствии выволочки и взял на струнах виолы долгий тоскливый аккорд.

Слегка ошарашенный зрелищем нравов и порядков торгового сословия, Гай недовольно скривился. Девчонка позволяла себе слишком много. Или, может, среди простолюдинов такие манеры считаются вполне приемлемыми?

Юная дама, оглянувшись и только теперь заметив в зале посторонних, быстро и несколько потише заговорила по-итальянски. В голосе отвечавшего ей Франческо отчетливо зазвучали оправдывающиеся нотки, вскоре сменившиеся просительными. Из тех немногих слов, что удавалось распознать сэру Гисборну, становилось ясно, что речь идет о растраченных деньгах и позоре, который непременно обрушится на мэтра Барди и на семейство молодого человека из-за его непрекращающихся выходов.

– Смотри-ка, настоящая баохан ши⁴, – вполголоса сказал до того молчаливо созерцавший происходящее Мак-Лауд. – Я думал, их уже не осталось.

– Кто-кто? – насторожился Гай. – Опять какая-нибудь языческая гадость?

– Баохан ши, – с подозрительной готовностью повторил шотландец, не сказав ровным счетом ничего о смысле названия. – Язычество тут вовсе не при чем. Вон она, вполне живая. Попадешься такой темным вечером – душу вытянет и горло перегрызет. Плоска, как доска, в глазах смертная тоска...

– Дугал, она все-таки дама, – укоризненно сказал Гисборн, в душе сразу и безоговорочно соглашаясь с мнением компаньона.

– Знаю я таких дам! – с пренебрежением отмахнулся Мак-Лауд. – В голове ветер свистит, а туда же, обязательно лезет распоряжаться. Любого растопчет, и как звать, не спросит. Сейчас ведь заест парня...

– Не мешивайся, – чуть громче, чем требовалось, произнес Гай. – Это не наше дело. Сами разберутся.

– Сами так сами, – уже приподнявшийся со скамьи Дугал с недовольным ворчанием сел обратно.

Девица, сочтя, что Франческо в достаточной мере проникся глубиной своих прегрешений, наконец смилостивилась и отошла к лестнице, чтобы раздраженно крикнуть наверх:

– Марджори! Сколько можно возиться?

⁴ Baohan sith (*гэльск.*) – магическое существо, некогда обитавшее в горах Каледонии (нынешней Шотландии). Чаще всего принимает облик молодой девушки с золотыми волосами, одетой в зеленое платье, под которым скрываются ноги с оленьими или козлиными копытами. Отличается скверным нравом, а также привычкой заманивать к себе в гости запоздалых путников и пить их кровь.

– Иду, госпожа, – на верхних ступеньках показалась служанка, тщетно пытавшаяся удержать несколько объемистых кофров и туго набитых мешков. – Бегу, не беспокойтесь!

Девушка, прислуживавшая мистрисс Изабелле, внешне слегка походила на хозяйку – тоже рыжеволосая и тоже в зеленом платье, однако смотрелась куда милевиднее. Отчаянно торопясь, она, разумеется, споткнулась и уронила часть своей многочисленной поклажи, рассыпав ее по лестнице.

– Я подожду снаружи, – в голосе сварливой девицы прозвучало бесконечное смирение человека, обреченного провести жизнь среди тех, кто с детства страдает неуклюжестью и дырявыми руками. Она повернулась и в самом деле направилась к выходу из гостиницы, но, проходя мимо английских рыцарей, одарила их вместе с коротким поклоном столь уничижительным взглядом, что Гай невольно поежился. Мистрисс Изабелла, похоже, отлично расслышала все нелестные высказывания в свой адрес, но не осмелилась затеять ссору с благородными господами.

Когда она скрылась за дверью, все облегченно перевели дух. Франческо торопливо уложил свою виолу в громоздкий деревянный чехол, обтянутый кожей, и вместе с Марджори принялся собирать разлетевшиеся по полу и по лестнице вещи. Сложив все в общую кучу, они быстро распределили, что кому нести, и поспешили во двор. Франческо, однако, на миг задержался, настороженно покосился на невольных свидетелей перебранки и сдержанно-вежливым тоном вымолвил:

– Извините нас, господа. Монна Изабелла склонна иногда слишком горячо выражать свое недовольство...

Смутившись и не договорив, он быстро пересек общую залу постоялого двора и исчез.

– Его отругали – он еще и извиняется! – не то удивился, не то возмутился Мак-Лауд.

– Достойный поступок воспитанного человека, – одобрил Гай. – Почему хозяин обоза или родственники до сих пор не сделали этой крайне вздорной особе внушение и не растолковали, что ее поведение в высшей степени неприлично?

– Связываться не хотят, наверное, – предположил Дугал. – Ладно, у них своя дорога, у нас своя. Пошли на пристань? Она недалеко, рукой подать.

– Нет, – остановил попутчика сэр Гисборн. – Сначала нужно завершить одно дело, а уже потом отправляться искать корабль.

– Какое дело? – Мак-Лауд насторожился, предвкушая новую интересную сплетню.

Гай в несчетный раз пожалел о том, что Господь в мудрости своей не пожелал наградить лошадей чуть большим количеством ума, мимолетно посочувствовал самому себе и принялся рассказывать.

Глава вторая Привет из дома

Тур, Аквитания.

16 сентября 1189 года, день.

Вопреки мрачным ожиданиям Гая, Дугал вполне серьезно отнесся к его обещанию, данному святому отцу, и даже заявил, что сам хотел предложить сходить взглянуть на собор – мол, ему не раз доводилось слышать восторженные речи о красоте и величественности этого сооружения. А река (точнее, реки), пристани и корабли за утро никуда не денутся.

Говорливые подчиненные мэтра Барди, вставшие, похоже, с первыми лучами солнца, если не раньше, их многочисленные лошади и три фургона, громыхавших огромными колесами по камням, заполнили весь обширный двор гостиницы. Гай только сейчас узнал ее название – «Золотой кочет». Для наглядности рядом с ярко размалеванной вывеской болтался вырезанный из медного листа петушок с разинутым клювом и встопорщенным хвостом.

– Гайс – дело серьезное, – повторил Мак-Лауд, и, не дожидаясь расспросов Гая о непонятном слове, пояснил: – Гайс – это клятва или зарок, которые непременно надо выполнить, не то лишишься удачи вместе с головой. Такую клятву чаще дают самому себе, иногда другу или родичам, случается, что гайс накладывается на кого-нибудь, как плата за услугу или в наказание... Смотри, Злюка пытается испортить настроение мэтру Барди.

Сварливая мистрисс Изабелла в самом деле стояла рядом с хозяином обоза, грузным, начинающим лысеть человеком средних лет в темной одежде, настойчиво ему что-то втолковывая. Маленькие глазки торговца, похожие на две черные ягоды, неотрывно следили за тем, как первый фургон выезжает на улицу, и, казалось, его несколько не интересовали слова девушки. Обиженная невниманием Изабелла повысила голос, Барди досадливо покачал головой и отмахнулся.

Девушка сердито нахмурилась, подобрала юбки и направилась к конюшне, умело лавируя среди людского столпотворения. Там ее ждали: человек, закутанный в неприметный серый плащ с низко надвинутым капюшоном и державший в поводу двух оседланных лошадей. Изабелла обменялась с ним парой коротких фраз, указывая на мэтра Барди, незнакомец согласно кивнул и помог ей взобраться в седло.

– Я думал, у нее штаны под юбкой и сейчас она усядется по-мужски, – с коротким смешком заметил Мак-Лауд, расположившийся на широких перилах гостиничного крыльца. Гай кивнул – подобная особа, конечно, в жизни не станет ездить, как полагается благовоспитанной молодой даме, то есть на крупе лошади позади грума или родственника. Мистрисс Изабелла и ее манеры все больше и больше раздражали сэра Гисборна, хотя к этому не имелось никаких оснований. Какое, спрашивается, дело благородному дворянину до невоспитанной девчонки-торговки? Обоз вот-вот покинет гостиницу, отправившись своим путем на юг, и рыцарям из Англии вряд ли доведется еще раз встретить мэтра Барди или его спутников...

– Идем, – не слишком вежливо ткнул задумавшегося компаньона Дугал. Гай поднял голову, узрев пустой двор со следами железных ободьев колес и кучками лошадиного помета, да раскачивающийся кожаный полог последнего из фургонов. Нет больше поводов для беспокойства. Рыжая крикливая девица появилась на миг и сгнула в неизвестности. Не такова ли

вся человеческая жизнь, подобная цепи кратких встреч в недолгом странствии от рождения к смерти?

Двум заезжим рыцарям не понадобилось расспрашивать, как пройти к главной достопримечательности города – башни расположенного поблизости от Луары собора виднелись изда- лека, поднимаясь над городскими крышами и устремляясь к чистому осеннему небу. Конечно, этот собор имел мало общего с той церковью, что стояла здесь во времена святого Мартина, то есть более шести с лишним веков назад. Храм и примыкавшие к нему здания аббатства не раз перестраивали, расширяли, украшали, так что сейчас они без преувеличения походили на застывший в камне гимн во славу Божию. На стены собора пошел местный гранит, желтова- тый, с вкраплениями серых и красных прожилок. В солнечные дни, подобные сегодняшнему, он казался слабо светящимся изнутри.

Первоначально монастырь возвели у самых границ города, но за несколько сотен лет Тур разросся, поглотив свои бывшие предместья, и владение святого Мартина теперь стало частью городских кварталов. От мирской суеты его по-прежнему отделяла высокая побеленная стена с ровным рядом мелких зубцов по верху и полоса свободного пространства, не застроенного домами, похожего на символическую границу, отмеченную рядом темно-зеленых старых тисов. Ее целостность нарушали только тяжелые, окованные полосами железа ворота. Створки стояли закрытыми, однако маленькая приоткрытая калитка доказывала, что здесь рады как постоян- ным прихожанам, так и гостям.

Гай остановился, не решаясь идти дальше и с неохотой признавая себе, что ему отчасти страшно. Конечно, он не так уж сильно виноват, у него есть оправдание – он торопился на помощь архиепископу Клиффорду, он честно выполнил епитимью, наложенную на него настоятелем Дуврской обители святого Мартина...

Почему-то ужасно не хотелось дергать за позеленевшее бронзовое кольцо и входить.

– Напомни мне как-нибудь, чтобы я рассказал про человека, решившего обмануть судьбу и не выполнить своего гайса, – подал голос Мак-Лауд, с откровенным злорадством взиравший на мучения компаньона. – Ладно, давай я зайду и разузнаю, пустят ли нас.

Он отодвинул Гая в сторону и, наклонив голову, проскочил в низкую калитку, зацепив рукоять длинного меча за ободверину. Сэр Гисборн остался снаружи, чувствуя на себе недо- уменно-вопросительные взгляды проходивших мимо горожан и злясь на самого себя за нево- время проснувшуюся нерешительность. Обычно он никогда не колебался, но нынешний слу- чай, надо признать, в корне отличался от прочих.

Дугал, к счастью, отсутствовал недолго. Вернее, он почти сразу распахнул калитку пошире и призывно махнул Гаю. Не чувствуя под собой ног, ногтингамский рыцарь сделал несколько шагов и сам не заметил, как оказался внутри пределов Турского аббатства. Мак- Лауд, вопросительно глянув на спутника, внезапно проявил несвойственное ему человеколю- бие и занялся переговорами со словоохотливым братом привратником, немолодым уже чело- веком в потрепанной черной рясе. К концу их беседы Гай несколько очнулся, даже найдя в себе силы оглядеться по сторонам и прислушаться.

Выяснилось, что благородным господам из Англии, решившим по пути в Святую землю посетить знаменитую обитель, ни в коей мере не возбраняется зайти в храм для поклонения тщательно оберегаемой вот уже шесть сотен лет реликвии – плащанице святого Мартина. Сам привратник, к сожалению, не может отлучиться со своего места, дабы проводить их, но в соборе обязательно встретится кто-нибудь из братии, кто сумеет подробно ответить на вопросы гостей и, если у них появится такое желание, показать все, достойное внимания. Брат привратник не мог с уверенностью пообещать, что милордам рыцарям удастся повидать отца аббата, но, если их дело настолько неотложное и важное, то... Все может быть.

Дугал, заговорщицки понизив голос, назвал какое-то странно прозвучавшее для Гая имя и осведомился, сохранилась ли могила этого человека. Привратник торопливо закивал и,

кажется, даже слегка обиделся подобному вопросу. Мак-Лауд коротко поблагодарил, заодно перебросив обрадованному сторожу ярко блеснувшую монетку, и компаньоны зашагали по вымощенному мелкими светлыми камнями внутреннему двору.

Чтобы попасть к главному входу в храм, как объяснил привратник, требовалось обойти братский корпус – приземистое здание серого камня с рядами крохотных окон под нависающим карнизом красно-коричневой черепичной крыши. Торжественность и спокойствие этих вырванных из суеты городской жизни мест, казалось, разлитые в воздухе, подействовали не только на начавшего успокаиваться Гая, но и на его попутчика. Во всяком случае, с его физиономии исчезло постоянное слегка насмешливое выражение, сменившись чем-то, весьма похожим на глубокую задумчивость. Сэру Гисборну иногда начинало мерещиться, что в его странноватом знакомом живет два человека: один – Дугал из клана Лаудов, неугомонный задира, пьяница и бабник, а второй... Второй гораздо умнее и мудрее всей их компании, и, как положено мудрецу, чаще предпочитает хранить молчание.

Они свернули за угол и разом остановились. Перед ними возвышался Турский собор, бледно-золотистый, с взлетающими над землей двумя квадратными башнями колоколен, статуями в нишах и изящно вытянутой вверх аркой портала. Над ней в радужных витражах идеально круглого окна-розетки играли лучи полуденного осеннего солнца.

Гай хотел что-то сказать, но внезапно обнаружил, что не может найти подходящих слов. Кроме того, его вновь разобрали тревожные предчувствия – вдруг его вина гораздо больше, чем он полагает? Вдруг святой решит, что такому закоснелому грешнику, как Гай Гисборн из Ноттингама, не место в благочестивой обители и не положено никакого прощения?

– Красиво, – нарушил мирную тишину Мак-Лауд, однако в его голосе не слышалось особенного восхищения. – Одного только не могу понять: неужели Господу на самом деле угодны все эти каменные громадины, облепленные внутри золотом? Здесь еще ничего, а в Италии как построят собор, так не разберешься – то ли во имя Божье, то ли ради того, чтобы перещегоолять соседний город... Отец Колумбан прекрасно обходится без всей этой роскоши, и мне кажется, он намного ближе к Небесам, чем здешние монахи. Наш священник из Гленн-Финнан, отец Беуно, с трудом связывал пару слов на латыни, а люди со всей округи шли к нему со своими горестями и радостями. Он жил в часовне, построенной моими предками лет двести назад, и никому не приходило в голову снести ее, чтобы соорудить взамен что-нибудь эдакое... Интересно, во сколько обходится здешним горожанам содержание такого великолепия?

– Ты бы попридержал язык, – раздраженно бросил сэра Гисборн. – Рассуждаешь, как настоящий язычник, прости Господи. Или в вашем захолустье все такие? Храм есть отражение Дома Всевышнего на бренной земле, ему надлежит поражать человеческое воображение и радовать глаз...

– Да знаю я! – перебил Дугал. – Только все равно это как-то неправильно. Что, чем больше в городе или в стране соборов, тем благосклоннее Господь?

– Замолчишь ты наконец? – уже всерьез рассердился Гай. – Не мели чушь, а? Сам знаешь, за подобные речи по головке не погладят. Где ты наслушался таких гадостей?

– Сам додумался, – Мак-Лауд наконец умолк, благо они уже поднялись по широким ступеням, слегка вытершимся в центре, и подошли к дверям собора – высоким, из темно-красного дерева, покрытым резьбой и украшенным позолотой. – Иди, выполняй обет, только не позволяй задурить себе голову. Я приду попозже.

– Ты куда? – несколько опешил сэра Гисборн, потому что компаньон явно вознамерился улизнуть.

– У тебя дела, и у меня дела, – туманно отозвался Дугал, уже успевший преодолеть половину лестницы. Гай с легким недоумением проследил, как шотландец остановил пересекавшего двор монаха и что-то у него спросил. Получив ответ, Мак-Лауд целеустремленно зашагал к северному приделу, свернул за угол собора и пропал.

– Дела у него, – повторил сэр Гисборн и, потянув на себя тяжелое литое кольцо, с некоторым усилием отодвинул толстую дверную створку. – Варвар варваром, а туда же – умствуем...

Над городом поплыл долгий тягучий звон бронзового колокола, отмечавшего наступление полудня, или как его называли по монашескому уставу, часа шестого.

* * *

В аббатстве Гай пробыл несколько дольше, чем ожидал – почти до девятого часа. Ему повезло: отец настоятель, узнав о просьбе заезжего рыцаря, милостиво согласился уделить немного своего драгоценного времени. Хотя сэр Гисборн, не обладавший даром рассказчика, старался говорить как можно короче, опуская кой-какие малозначащие частности, история прибытия нового архиепископа Кентерберийского в Англию все равно чрезмерно затянулась. Известие о смене власти и казни канцлера Лоншана, конечно, уже добралось до Тура вместе с королевскими гонцами и опережающей ветер молвой, однако настоятель не мог не воспользоваться чудесно представившейся возможностью разузнать подробности из уст очевидца событий в далекой Британии.

К концу повествования Гай слегка взмок и чувствовал себя так, будто пару раз обежал вокруг Тура в полном боевом снаряжении. Однако его усилия получили неожиданное вознаграждение: аббат, выслушав печальную исповедь рыцаря из Ноттингама и побарабанив пальцами по столу, рассудил, что сэр Гисборн достаточно наказан за свои прегрешения. В сущности, его вина заключалась только в излишней горячности (впрочем, вполне оправданной, ибо он действовал во спасение служителя Господня) и вполне искупается его нынешним намерением отправиться в Святую землю. Если же добавить к этому искреннее покаяние мессира Гая и умеренное пожертвование в пользу прихода Святого Мартина, то щекотливое дело о невольном осквернении останков святого можно считать разрешенным ко всеобщему удовлетворению.

Вдобавок отец настоятель посоветовал будущему крестоносцу по дороге к Марселю или в самой столице Прованса наведаться в любую церковь и освятить имеющееся оружие. От досады Гай едва не хлопнул себя по лбу: как он не догадался сделать это еще в Лондоне или, на худой конец, в Фармере! Совсем из головы вылетело! Мессир Клиффорд или отец Колумбан наверняка бы не отказались провести церемонию! Сталь в умелых руках, конечно, хороша сама по себе, но если ее облагородит и укрепит благословение...

В Ноттингаме родные и друзья частенько посмеивались над наследником семейства Гисборнов: мол, нетрудно догадаться, о чем тот думает – любая появившаяся мысль немедля отражается на физиономии. Сейчас, видимо, случилось то же самое, ибо турский аббат с легкой улыбкой заметил, что с удовольствием выполнит ритуал освящения, и, пожалуй, сделает это незамедлительно.

– Я не один, – вспомнил о своем попутчике Гай. – Можно ли моему спутнику тоже принять участие?

Аббат кивнул, сэр Гисборн мысленно возликовал, искренне надеясь, что ему не придется обыскивать монастырь в поисках отправившегося неведомо куда шотландца. Однако Мак-Лауд, завершив таинственные «дела», как и обещал, терпеливо дожидался компаньона, обосновавшись на каменной скамье неподалеку от входа в собор. Отсюда он прекрасно видел как полутемный неф с рядами скамей и тускло поблескивающее золото алтаря и вычурной огромной дарохранильницы с полуистлевшим лоскутом некогда светло-серой ткани внутри, так и часть обширного двора перед храмом. Невозмутимо оглядев взъерошенного Гая, он одобрительно заметил:

– Вот тепер ты похож на человека. Исполнил?

– Не совсем... – сэра Гисборн перевел дыхание. – Вставай! Здешний настоятель согласился освятить наше оружие.

– Для начала совсем неплохо, – пробормотал Дугал, несколькими привычными движениями ослабляя застежки широкого кожаного ремня-перевязи, чтобы стащить ее через голову. Гая всегда удивляла горская традиция: носить мечи не на полагающемся им по всем законам месте, то есть у левого бедра, а за спиной. Вдобавок он полагал шотландскую клеймору не слишком удобной, чрезмерно длинной и тяжелой.

Заблуждения бесследно развеялись в тот день, когда сэра Гисборн самоуверенно решил последовать примеру Мишеля де Фармера, уже получившего свою ежедневную трепку, и предложить Мак-Лауду сразиться. Просто так, для удовольствия.

На ошибках учатся. В первый миг Гай понял, что его наставник в науке мечного боя совершенно не подготовил его к подобным схваткам. Во второй – лишился клинка, выбитого приемом, оставшимся доселе неизвестным создателям трактатов по военному делу, позорно шлепнулся на траву под откровенное хихиканье Мишеля, да так и остался лежать, сипя отбитыми в падении легкими.

– Историческая справедливость восстановлена, – вполголоса заметил Гунтер, оруженосец Фармера-младшего. Гай не понял, что тот имел в виду.

С трудом усевшийся милорд Гисборн накрепко усвоил две вещи. Первую: никогда больше всерьез не связываться с шотландцем; и вторую – надлежит обязательно вернуть нанесенный удар, причем с лихвой. К клейморе же Гай начал испытывать нечто вроде невольного почтения и все чаще раздумывал о том, не попросить ли Дугала поделиться частичкой столь богатого опыта. Мак-Лауд вряд ли откажет, особенно когда сообразит, что получает отличную возможность безнаказанно шпынять английского рыцаря...

– Спишь или опять размышляешь об умном? – едко осведомился низкий голос, слегка растягивавший слова. – Нехорошо заставлять себя ждать.

От неожиданности Гай резко мотнул головой, беззвучно выругал себя за привычку задумываться в самый неподходящий момент, и, не отвечая, зашагал по широкому проходу между скамей. Позади мягко шлепали по каменным плитам изрядно стоптанные сапоги Мак-Лауда.

* * *

Калитка, скрипнув на прощание, выпустила заезжих гостей Турского аббатства на улицу, и Гай с удивлением обнаружил, что все вокруг чудесным образом переменилось. Вроде тот же самый город, переваливший за вторую половину сентябрьский денек, старые колючие тисы и спешащие по своим делам прохожие. Но солнечные лучи отливали начищенным золотом, все краски стали ярче, и даже запах разогретой смолы, приносимый ветром с речных пристаней, не казался настолько отвратительным, как обычно.

– Выполненный гайс – что возвращенный долг, – как бы невзначай заметил Дугал. – Вроде отдаешь, а чувствуешь себя богаче. Кстати, пока ты расплачивался по долгам, я здорово напугал тамошнего исповедника.

Гай представил себе возможную исповедь Мак-Лауда, посочувствовал неведомому монаху, которому выпало слушать подобное, хмыкнул и поинтересовался:

– И к какому покаению приговорил тебя сей благочестивый брат?

– Ступай, сын мой, и ежели не можешь совсем не грешить, так хоть помни об умеренности, – прогнусавил Дугал и заржал. Сэр Гисборн какое-то время сдерживался, твердя, что тут нет ничего смешного, что невыносимый попутчик снова принялся за свое, что будущим освободителям Иерусалима не подобает стоять посреди улицы и хохотать во все горло, пугая добрых людей... а потом махнул на все рукой и присоединился. Со смехом приходило облегчение, потерянная было уверенность в себе и возвращалось данное от природы любопытство.

– Пошли, пошли, – фыркающий Гай бесцеремонно ухватил компаньона за рукав и потащил за собой, не представляя точно, куда идет, но стремясь к блестящей в проемах между домами реке. – Еще не хватало, чтобы все окрестные зеваки сбежались поглазеть на нас. Вдобавок я хочу есть и пить. И еще поскорее отыскать подходящий корабль... Кстати, если не секрет, куда ты ходил в аббатстве?

– Насчет поесть я никогда не отказываюсь, а вот где я был... – Мак-Лауд соорудил загадочную физиономию, но надолго его не хватило и уже серьезным тоном он пояснил: – Когда-то я тоже дал самому себе обещание – если судьба занесет меня в Тур, обязательно схожу на могилу одного человека. Его похоронили здесь почти четыреста лет назад...

Сэр Гисборн удивленно поднял бровь, в очередной раз напомнив себе, что чужая душа – потемки, и взглядом потребовал немедленного продолжения. Однако пришлось подождать: Дугал углядел неприметный трактир, бросил: «Я мигом!» и скрылся за дверью. Вернулся, небрежно помахивая добычей – глиняной флягой в ременной оплетке и завернутыми в обрывок некогда белого холста кусками хлеба и остро пахнущего овечьего сыра.

– Все равно бродить еще долго, – заявил он, перебрасывая сверток опешившему Гаю и зубами выдергивая пробку. – Так о чем бишь я?

– О могиле, – подсказал Гай, отбирая у увлекшегося компаньона флягу. В ней плескалось местное вино – кисловатое, но вкусное. – Чья она?

– Епископа Алкуина, – Дугал с выдававшей многолетний опыт сноровкой на ходу вытащил длинный кинжал, напластал хлеб и сыр на ломти, и теперь говорил и жевал одновременно: – Он был советником короля Шарлеманя, по-простому – Карла. Того самого, что основал империю на месте будущих Франции с Германией, воевал с маврами и которого прозвали Великим.

Гисборн кивнул в знак того, что понял, о ком идет речь.

– Однако будь хоть трижды великим, вряд ли что сделаешь в одиночку. У любого трона всегда толчется множество людей – полезных или нужных для украшения двора. Алкуин – на латыни его звали Альбин или Альбин Флакк – относился к первым. Он и после него еще Эриугена Ирландец, что служил сыну Карла. Карл, как говорят, встретил Альбина в Италии, в монастыре города Пармы, и так поразился мудрости и знаниям этого человека, что уговорил его перебраться на север, в свою страну. Алкуин стал настоятелем монастыря, из которого мы только что убрались, и наставником королевской семьи. Может, тут я путаю, всякие умные слова не слишком хорошо укладываются в моей голове, но Алкуин утверждал, что на свете есть три высших власти: папа в Риме, кесарь в Константинополе и император на землях франков. Наверное, такие речения не всем приходились по душе, но уж Карлу-то нравились точно. И, наконец, самое главное: хоть Алкуин жил в Италии, но родился-то он у нас, на Острове! В Йоркшире, в саксонском семействе, причем по матери его род происходил от лоулендеров Дамфриса. Если покопаться в отношениях между кланами, то выяснится, что мы, люди из-за гор Грампинан, и те, кто живет в низинах, возле границы с Англией – сородичи. Можно ли не навестить могилу родственника?

Последнюю фразу Мак-Лауд произнес с непонятной усмешкой, но Гай не обратил на это внимания, больше заинтригованный иным вопросом:

– Откуда ты все это знаешь?

Дугал уставился на него чуть прищуренными каре-зеленоватыми глазами:

– По-твоему, если я не имею собственного дома и живу тем, что служу людям побогаче и познатнее меня, то уже напрочь позабыл, кто я и откуда?

– Нет, конечно, – с легким смущением пробормотал Гисборн. Уже сколько раз он убеждался, что Мак-Лауду известно намного больше, чем кажется на первый взгляд, но снова не доверял собственным ушам.

– Могу поспорить, собственную родословную ты помнишь наизусть, – в голосе Дугала пробила еле скрываемая досада. – Впрочем, любому понятно: что ты, что Мишель – урож-

денные сассенахи. И его, и твои предки приплыли на берег, который еще не называли Нормандией, вместе с Ролло-Норвегом, а потом явились в Британию вслед за Вильгельмом Бастардом. Но Британии вам показалось мало, и вы полезли к нам... Я прав?

– Прав, – миролюбиво согласился Гай. – Только учти: если мы начнем пересчитывать все стычки между твоей страной и моей даже за последние двадцать лет, потратим весь оставшийся день. Между прочим, что такое «сассенах»? Мне оскорбиться или не стоит? Я ведь собирался поблагодарить тебя за рассказ, но раздумал. Теперь я уверен, что вы с той рыжей девчонкой с постоянного двора наверняка быстро нашли бы общий язык – переругавшись насмерть.

– Вот уж нет! – огрызнулся Мак-Лауд, но уже гораздо спокойнее.

– Тогда прекрати злиться и ответь на вопрос. Если ты меня обозвал, скажи честно. Сегодня я склонен прощать ближних своих.

Дугал презрительно засвистел и только потом соизволил заговорить:

– Так у нас называли северян – тех, что каждое лето высаживались на восходном побережье, чтобы ограбить приморские селения и снова удрать в море. Позже, когда набег пошел на убыль, имя по наследству досталось жителям Нормандии. Еще позже – вам, англичанам. Но есть разница. Скажем, Мишель действительно сассенах, а ты – паршивый сейт.

– Думаю, я осознал, в чем состоит сие тонкое различие, – хмыкнул сэр Гисборн. – Не надейся – я помню, что обещал спускать твою болтовню. Но лишь сегодня! Кстати, а соплеменников Мишелева оруженосца, Гунтера, вы как называете?

– У него здесь нет соплеменников, – отрезал Мак-Лауд. – Он не такой, как мы.

– Что ты хочешь сказать? – не понял Гай. – Конечно, он немного странно разговаривает, но это объяснимо, он же иноземец...

– Когда мы встретимся в следующий раз, приглядишься к нему внимательнее, – снисходительно посоветовал Дугал. – Вы что, ослепли и ничего не замечаете? Этот тип не просто странно разговаривает, он как будто сперва складывает фразу про себя на каком-то ином языке, переводит, а уже потом произносит. Понятия не имею, где он жил раньше, однако на нас он пялится, будто впервые увидел живых людей. Он беседует с отцом Колумбаном о судьбах королей и государств, но потихоньку расспрашивает Мишеля о том, что каждому известно с детства! Ты хоть раз видел, как он держит меч? Словно думает, что обожжется или что клинок сейчас оживет, вырвется и убежит! Он почти не умеет ездить верхом – сидит, как виллан на осле! И эта его штука, что припрятана у отца Колумбана! Я посмотрел, она сделана из холодного железа, но провалиться мне на этом месте, если я знаю, кто ее смастерил и для чего! Спрашивается, откуда мог взяться подобный человек и что ему здесь нужно? Мишель, конечно, ему доверяет, но Мишель – простая душа и будет доверять каждому встречному-поперечному, пока однажды его здорово не надуют.

– Ты преувеличиваешь, – не совсем уверенно возразил сэр Гисборн, ибо сам не раз замечал в поведении оруженосца де Фармера некие не поддающиеся внятному определению странности. – Неужели ты считаешь, что святой отец позволил бы какому-то подозрительному типу сопровождать своего воспитанника?

– Это верно, – после некоторого размышления признал Мак-Лауд. – Отец Колумбан разбирается в людях. Мошенника он бы сразу раскусил. Однако даже у святого отшельника могут быть свои секреты и свои, неизвестные нам соображения. Почему он не позволил нам ехать вместе? Куда он отправил Мишеля и Гуннара? Мы вполне могли дожидаться их в Алансоне, но отец Колумбан настоял, чтобы мы без остановки ехали в Марсель! С какой стати? Может, все это ерунда, но когда за моей спиной начинают вот так шушукаться, я становлюсь не в меру подозрительным.

Гай не нашел достойного возражения. Дугал подметил куда больше необъяснимых мелочей, связанных с личностью человека, называвшего себя Гунтером фон Райхертом из Германии, нежели он сам. Оруженосцу Мишеля де Фармера нельзя было отказать в сообразитель-

ности или преданности (разве что обвинить в некоей непочтительности к своему молодому сюзерену), однако за ним неотвязно следовали какие-то загадки. Речь, манеры, поведение, даже внешность – все хоть немного, да отличалось от обычных.

– Но если этот человек не тот, за кого себя выдает, что нам делать? – сэра Гисборн решил рассмотреть дело с иной, более практичной точки зрения.

– Пока ничего, – Мак-Лауд пожал плечами. – Надеяться, что все обойдется, и мы благополучно доберемся туда, куда собирались. Возможно, к тому времени все трудности разрешатся сами собой. Я не говорю, что этот Гуннар из Германии или откуда он там на самом деле – плохой человек. У него могут иметься серьезные причины вести себя именно так. Однако я бы предпочел знать правду о том, кто он такой. Пока это остается в тайне – он мне не враг, но и не друг. Думай и поступай как хочешь, только потом не говори, что тебя не предупреждали... Мы пришли.

За разговорами Гай не заметил, как они миновали длинную стену аббатства, пересекли располагавшийся рядом жилой квартал и очутились на деревянной набережной Луары, рядом с длинными рядами причалов и качающимися на волнах кораблями. Здешние суда несколько отличались от стоявших в гавани Руана или Дувра. Тут предпочитали вместительные, широкие плоскодонки под растянутыми в ширину парусами, низко сидящие в воде и способные принять на борт кажущееся почти бесконечным число сундуков, мешков, ящичков, пассажиров и даже живой груз: истошно блеющих овец или фыркающих и опасно косящихся по сторонам лошадей. Кое-какие из барок, выглядевшие самыми старыми, полагались не столько на паруса, сколько на весла. В море всегда можно рассчитывать на ветер – попутный или препятствующий, а как прикажете быть на реке, закрытой со всех сторон холмами? Только грести, хотя есть еще средство – медлительно бредущая вдоль берега воловь упряжка, тянущая груженое судно против течения.хлопотно и долго, однако надежно.

Пристани жили обычной жизнью, одинаковой для всех морских и речных гаваней мира. Где-то привезенный товар сгружали с борта корабля на пристань, где наоборот – перетаскивали тюки в недра трюмов, торговцы свежей рыбой старались перекричать друг друга, сновали разносчики и посредники между купцами и владельцами судов, чинно шествовали почтенные обыватели и явившиеся за покупками матроны, прогрохотал мимо десятков городской стражи... На середине широкой мутно-серебристой реки медленно разворачивалась вниз по течению зеленая барка с высокой надстройкой на корме. Пахло мокрой парусиной, деревом, преющей кожей и отчего-то яблоками.

Источник яблочного аромата выяснился быстро – в окрестных садах сняли первый урожай и теперь увозили его на север. Мак-Лауд, проходя мимо очередного груженого красно-желтой россыпью плодов возка, без особых колебаний украдкой прихватил несколько штук и теперь шумно грыз, плюясь семечками.

– Сказано: не укради, – заметил Гай. – Но раз украл, то поделись.

Дугал запустил в него одним из своих спелых трофеев и вдруг остановился.

– Вот, – уверенно заявил он, указывая на приглянувшееся ему судно. – Хорошо бы она направлялась вверх по реке.

– Почему именно эта? – сэра Гисборн пристально обозрел ничем не примечательный кораблик с низкими бортами и широкой палубой, заставленной какими-то ящичками. На его неискушенный взгляд, посудина совершенно не отличалась от своих соседей, разве что ее украшала проведенная вдоль борта белая полоса.

– Нравится, – невозмутимо пояснил Мак-Лауд, выбросил яблочный огрызок и спрыгнул на жалобно скрипнувшие доски причала. Гай последовал за ним, догадываясь, что перед его глазами вот-вот разыграется шумное представление с названием «торговля по-шотландски». Мак-Лауд чувствовал себя победителем, когда ему удавалось сбить предлагаемую цену на один-два фартинга. Сэр Гисборн подозревал, что дело не в обостренной скупости его попут-

чика, а в неистребимой привычке Дугала препираться по любому поводу. Сам Гай торговаться не любил, да и не умел, справедливо полагая таковое занятие достойным простолюдина или горожанина, но никак не рыцаря. Кроме того, у них с Мак-Лаудом имелось на двоих по сотне фунтов, что позволяло им считать себя вполне обеспеченными для дальнего путешествия людьми и не слишком беспокоиться о дорожных тратах.

Однако Дугалу не повезло. Владелец судна под названием «Бланшфлер» действительно шел с грузом тканей и шерсти в верховья Луары, и, стоило двум будущим пассажирам заикнуться о цели своего пути, как он назвал столь низкую плату за проезд, что случилось необычное – Мак-Лауд открыл рот и закрыл, не произнеся ни слова. При таких условиях любая торговля выглядела просто нелепо, особенно если учесть возможность взять на борт лошадей и без особых трудов добраться до Дигуэна, а может и до Роана. Барка отплывала завтра, между третьим часом и полуднем, и благородные господа обещали придти вовремя.

– Оказывается, этот ваш Крестовый поход не так уж бесполезен, – с неохотой признал Мак-Лауд, когда гавань осталась позади и компаньоны зашагали к постоялому двору «Золотой кочет». – Иначе бы нас ободрали как липку.

– Перестань изображать скрягу, – хмыкнул Гай. – Все равно не поверю. Как думаешь, нам стоит перебраться на корабль прямо сегодня или завтра с утра?

– Сегодня, – высказал свое мнение Дугал. – Там и переночуем. Как-то все на редкость удачно складывается, даже чудно...

* * *

В гостинице «Золотой кочет» за время отсутствия господ рыцарей произошли определенные изменения. Стоявший посреди двора конюх гонял по кругу привязанную на длинной корде лошадь – запаленную, тяжело пыхтевшую и ронявшую из открытой пасти на землю клочья пены.

– Кто-то изрядно торопился, – заметил Мак-Лауд, кивая в сторону уставшего животного. На мокрой шерсти лошади расплывались пятна, судорожно дрожавшие ноги еле двигались. Казалось, она сейчас упадет и больше не поднимется, но все знали – к вечеру якобы загнанная насмерть кобыла придет в себя, а через два-три отдыха дня ее можно снова ставить под седло.

– Вас, мессеры, тут дожидаются, – неожиданное приветствие содержателя постоялого двора сопроводил указующий кивок в дальний угол общего зала.

– Нас? – слегка оторопел Гай.

– Ежели, мессир, вас кличут милордом Гаем Гисборном из Англии – а сдается мне, что так оно и есть, – стало быть, к вам гость прибыл, – многословно, однако не слишком вразумительно растолковал трактирщик.

Упомянутый сэра Гай Гисборн вопросительно покосился на своего спутника, получив в ответ такой же искренне недоумевающий взгляд. Из возможных гостей им на голову единственно могли свалиться Фармер-младший вкупе с оруженосцем...

– Пошли выясним, кому мы понадобились, – здраво предложил Дугал.

Сидевший за отодвинутым в самый темный угол столом человек в пропыленной темно-синей тунике выглядел полностью занятым содержимым стоявших перед ним мисок и кувшина, однако, услышав приближающиеся шаги, вскочил. Несколько мгновений он подозрительно рассматривал Гай и Мак-Лауда, затем еле заметно кивнул, соглашаясь со своими мыслями, и негромко спросил:

– Шевалье Гисборн?

– Это я, – Гай присел на скамью. Дугал остался стоять, небрежно привалившись к стене, и через миг Гисборн понял, по какой причине. Если неизвестный вдруг попытается скрыться или напасть, ему сильно не поздоровится. – С кем имею честь и чем обязан подобным вниманием?..

Незнакомец хмуро посмотрел на Мак-Лауда. Шотландец жизнерадостно ухмыльнулся, вытянул из ножен кинжал и принялся крутить его в руке, якобы разминая кисть.

– Можете говорить при нем, – сердито буркнул сэра Гисборн. – Если вам вообще есть что сказать. Кто вы, милейший?

Человек с опаской покосился вокруг, сунул руку за пазуху, извлек тщательно свернутый в несколько раз и перетянутый толстой крученой нитью лист пергамента, и подтолкнул к Гаю.

– Это вам. Я из Англии, рассчитывал догнать вас в Фармере, но там никого не оказалось. Барон Александр послал меня к тамошнему отшельнику... у него еще имечко ирландское...

– Отец Колумбан, – согласно кивнул сэра Гисборн, не притрагиваясь, однако, к лежавшему между оловянных тарелок посланию. – Дальше?

– Святой отец сказал, что баронет Фармер и его спутник уехали, и не стоит гнаться за ними, а вот мессира Гая наверняка можно будет застать в Туре. Он описал вас и вашего... э-э... спутника, и я помчался сюда. Стража на воротах запомнила вас: двое рыцарей, приехавших вместе с итальянскими торговцами, и посоветовала искать здесь. Я нашел постоялый двор, но вы куда-то ушли. Я остался ждать. Все. Берите письмо, там все сказано. Как прочтете – велено спалить... – незнакомец отодвинул звякнувшие тарелки и кувшины, рухнул головой на освободившееся место и почти мгновенно захрапел.

– Если притворяется, то очень умело, – Дугал наклонился над посланником и внимательно прислушался. – Нет, в самом деле спит. Что это нам доставили в такой спешке? Знаешь, дурные новости почему-то всегда обгоняют хорошие...

Гай забрал загадочный пергамент и перебрался ближе к очагу, в круг дрожащего красновато-оранжевого света. Дугал пристроился рядом, заглядывая через плечо компаньона.

На желтоватом свертке красовались две небольшие печати – красного воска и зеленого. Внутри красного кружка один над другим выстроились три леопарда, разинувших пасть и поднявших переднюю лапу. Посреди зеленого глубоко отгиснулись крохотная митра и посох с рукояткой, завитой бараньим рогом.

– Та-ак... – озадаченно протянул сэра Гисборн.

– Открывай, открывай, – нетерпеливо потребовал Мак-Лауд. – Похоже, ваше прошлое не желает вас отпускать. Леопарды и митра – принц Джон и его святейшество Бастард Клиффорд, чтоб мне провалиться. Зачем таким людям понадобились бедные грешники вроде нас?

Гай молча перерезал суровую нитку и развернул хрустящий лист, покрытый ровными строчками отличного, хотя и мелковатого почерка.

– У-у... – протянул Дугал, всмотревшись в послание. – Тут я тебе не помощник. Я еще с горем пополам могу выдавить из себя пару фраз на латыни, но осилить такое длинное письмо... Надеюсь, тебя учили читать, благородный сэра, или только махать мечом направо и налево?

– Учили, учили, – буркнул сэра Гисборн, лихорадочно припоминая начатки древнего языка, вбитые в него терпеливыми монахами Ноттингамского аббатства. – Сядь и не мешайся.

Первая фраза, как ни странно, перевелась без особого труда, и Гай, мысленно поблагодарив архиепископа Кентербери за милостивое обхождение без излишних словесных изысков, начал вполголоса читать, перелагая написанный текст с латыни на привычный норманно-французский:

«Шевалье Мишелю де Фармеру, в его же отсутствие вручить рыцарю Гаю
Гисборну Ноттингамскому...»

– Куда же наш многомудрый святой отец услал Мишеля? – ехидно поинтересовался Мак-Лауд. – Он и Гуннар должны были ехать по той же дороге, что и мы, и их бы нагнали первыми. Тебе это не кажется странным?

– Не кажется, – отрезал Гай. – Святому отцу виднее! Не отвлекай меня! Вопросы будешь задавать потом. И отодвинься, свет загораживаешь!

Дугал скорчил оскорбленную гримасу, но подвинулся. Сэр Гисборн продолжил единоборство с архиепископской эпископией:

«Кому бы из вас не попало в руки сие послание – привет и наилучшие пожелания!

С величайшей радостью услышали мы весть о том, что Уильям де Лоншан, расточитель богатств королевства, позоривший доверенное ему место канцлера Британии, не избежал заслуженной кары, в чем целиком и полностью ваша заслуга.

Однако всякая радость неизбежно омрачена горем, и нынешние времена не являются исключением.

Суть же обрушившегося на нас бедствия кроется в следующих обстоятельствах. Во время произошедших в конце августа месяца в городе Лондоне справедливых возмущений честных горожан против самоуправства господина канцлера и постыдного бегства последнего случилось так, что отведенный под резиденцию де Лоншана замок короны Тауэр, в особенности хранилища рескриптов, указов и прочих важных бумаг, на какое-то время остались без надлежащего надзора. Чем не замедлили воспользоваться как остающиеся пока на свободе союзники и пособники канцлера, так и его противники.

К сожалению, приходится признать, что лица, относящиеся к противникам покойного мэтра Лоншана, тем самым не переходят в ряд сторонников короля и королевского наместника. Эти люди относят себя к противникам любого правящего дома Европы, и причина сего удивительного заявления проста. Они – подданные Константинопольской империи, и, как следствие, изыскивают любые средства, дабы возвысить значение собственной страны, забрызгав при этом грязью все остальные государства и народы.

Некоторое число сиих людей находилось при дворе канцлера в качестве представителей торговых домов, советников и придворных. Есть веские основания предполагать, что мэтр Лоншан также был введен ими в изрядное заблуждение, искренне полагая их за своих сторонников и излишне награждая их своим доверием.

В известный вам день все они таинственным образом исчезли как из Тауэра, так, возможно, и из столицы Англии. Вместе с ними пропала часть уже упоминавшихся документов, по большей части относящихся к личной переписке мэтра Лоншана с сильными и слабыми мира сего.

Розыск, учиненный немедля по открытию пропажи документов, безмерно огорчил наши сердца, заставив задуматься над судьбами многих и многих личностей, занимающих не последнее место в жизни государств Европы. Покойный канцлер, что ни для кого не является тайной, не слишком разбирался в средствах, ведущих к достижению его целей. Пропавшие бумаги таят в себе кончики нитей, управляющих делами королей и их подданных. В руках определенного круга лиц эти рескрипты могут стать опаснее вооруженной армии на границе не готового к достойному отпору соседа. Посему они должны как можно скорее вернуться на свое место... или исчезнуть без следа, что даже предпочтительнее.

К сожалению, никому в точности не известно, сколько именно подданных византийского императора и под какими личинами пребывало

в Лондоне. Эти люди обладают врожденным талантом перевоплощения и обмана. Тем не менее, нам удалось заполучить кое-какие сведения, могущие оказаться полезными для вас.

Во-первых, похищенные документы вряд ли будут розданы многим людям с наказом любой ценой довести их до Константинополя. Скорее всего, большая часть беглецов из Лондона не двинется дальше Руана или Парижа, где они могут рассчитывать на помощь и укрытие у обитающих там соотечественников. Архив же поместят в сундуки и отправят в сопровождении отряда доверенных лиц под видом самого невинного груза.

Во-вторых, известны приметы человека, который, скорее всего, станет во главе этого отряда. Он уроженец Аквитании, ему около двадцати пяти лет, среднего роста, светловолос, цвет глаз голубой или серый. Его не раз видели в окружении Лоншана, где он выдавал себя за посредника итальянского торгового дома Риккарди. Имени его, к сожалению, никто не знает, что, впрочем, не имеет особого значения – этот человек способен выдать себя за кого угодно, от простолюдина до принца крови.

И в-третьих. Известно направление, в котором намереваются отбыть злоумышленники. Они держат путь на юг, в графство Лангедок, собираясь достигнуть Тулузы, дабы встретиться там со своими сообщниками и перебраться в Марсель или любой другой порт на Полуденном побережье, откуда смогут беспрепятственно покинуть Европу.

Наша надежда в том, что волей случая или провидением Господним вы сейчас находитесь на тех же дорогах, что и похитители, и, возможно, неподалеку друг от друга. Они покинули Англию почти одновременно с вами, однако им понадобится время, чтобы выработать план действий и натянуть на себя подходящую личину. Скорее всего, они прикинутся торговым обозом, каковых нынче на дорогах превеликое множество.

Итак, господа, постарайтесь разыскать их, хотя, признаться, ваш успех представляется мне маловероятным. Но, как утверждает Его высочество принц Джон, у вас имеется некая везучесть и умение оказаться в нужное время в нужном месте. Ищите подозрительный обоз, чьи владельцы ничем не торгуют и нигде не задерживаются, настойчиво продвигаясь на юг. Если, паче чаяния, вы обнаружите этих людей, не пытайтесь напасть на них и лучше даже не показывайтесь им на глаза. Просто держитесь неподалеку. В Тулузе и Марселе вы можете рассчитывать на помощь и довериться человеку, который скажет вам: «Я из Кентербери». Будьте осторожны – ваша добыча сообразительна, хитра и знает множество потайных нор. Не огорчайтесь, если не наткнетесь на них – значит, не судьба. Наши люди при любом исходе попытаются задержать их на побережье. Помните о своем долге и кланяйтесь там Саладину!

Джон, милостью Божией наместник королевства Английского.

Годфри Клиффорд, архиепископ Кентербери, канцлер Англии.

Писано 29 дня августа 1189 года от Рождества Христова, в замке Винчестер, Лондон, королевство Английское».

– Ты что-нибудь понял? – спросил Гай, закончив чтение.

– Я совершил большую ошибку, связавшись с вами, – отозвался помрачневший Дугал. – Во что вы меня втравили, благородные господа? Нет, не спорю, я наемник, убийца и все такое прочее, но я никогда не встревал в дела королей и всяких там правителей. Себе дороже. Лезешь из шкуры вон, стараясь им угодить, но только они получают свое, тебя же и вздергивают – чтобы не болтал лишнего и не напоминал о том, что необходимо забыть.

– А как насчет службы у Лоншана? – не преминул язвительно напомнить сэра Гисборн.

– Мэтр Уильям был распоследней сволочью, но все же именно он дал нам независимость от вас, сейтов, – отрезал Мак-Лауд. – За все надо расплачиваться. Я заплатил тем, что сколотил и возглавил его охрану. Но сейчас... Ловить неведомо кого, неизвестно где, да еще в Лангедоке! Нет, это не по мне!

– Да чем тебе Лангедок не угодил? – оторопел Гай. – Провинция как провинция. Или тебе там показываться нельзя – изловят и утопят в ближайшем болоте?

Дугал поднял на компаньона удивленный взгляд:

– Ты что, ничего не знаешь?

– Что я должен знать? – насторожился сэра Гисборн. – Ты можешь не говорить загадками?

– Он ничего не знает, – Мак-Лауд оперся локтями на столешницу, водрузил подбородок на сложенные ладони и пристально, не мигая, уставился на ноттингамца. – Собирается ехать в Лангедок и ничего не знает! Послушай-ка меня, сыр рыцарь. Я, конечно, отнюдь не образец добродетели, мало того, я даже не пытаюсь им стать. Могу посмеяться над монахами, над всеми этими роскошными монастырями и их бесценными реликвиями, сляпанными на соседней улице, и не мучиться из-за этого совестью. Возможно, я та самая паршивая овца, что отыщется в любом стаде. Но никогда – слышишь, никогда! – не изменял вере своих отцов и... – он медленно начал подниматься из-за стола. Гай понял, что сейчас обязательно стряется что-нибудь неладное.

– Дугал, прекрати, – ледяным голосом произнес сэра Гисборн, слегка удивленный столь неожиданной вспышкой ярости. – Сядь!

Окрик подействовал. Шотландец потрянул головой, точно просыпаясь от дурного сна, и как ни в чем не бывало спросил:

– Так о чем бишь я?

– О Лангедоке и том, почему ты не хочешь туда ехать, – напомнил Гай.

– Это благословенная земля, доставшаяся дурным людям, – значительно произнес Мак-Лауд. – Край еретиков, верящих в равноправие Добра и Зла. Но, что самое досадное, мы можем проехать через него насквозь, и не заметить ничего подозрительного. Вернувшись же домой, ты никому не сможешь рассказать о том, где побывал и что видел, ибо стоит прозвучать названию «Лангедок» – и на тебя уже косятся с подозрением, особенно монахи. Там все имеет второй облик, и в такие края ты хочешь затащить меня, чтобы ловить каких-то типов, уведших бумаги моего бывшего хозяина? Да пропади они все пропадом! Я никуда не поеду!

Интермедия

Откуда можно узнать кое-что интересное о жизни Византийской империи, и где император Андроник Комнин встречает гостя

...Синяя лента Босфора, проложенная древними богами незримая граница между Европой и Азией, убегала между зелеными всхолмьями за горизонт. Босфор, сверкающая нить между стоячими, тяжелыми водами Мраморного моря и прозрачными солеными волнами Эвксинского Понта. Отсюда начиналось Гостеприимное море греков, на берегах которого раскинулись богатая Таврия, далекая загадочная Колхида-Грузия и земли людей, именующих себя «народом русов». Босфор – широкая водная дорога для всех торгующих, плавающих и путешествующих, сокровище дряхлеющей Византийской империи, и блистательный Константинополь – ее быющее сердце.

Великая Империя старела. Неспешно, мучительно, неотвратимо. Стареют не только люди, стареют города и государства. Их жизнь неизмеримо дольше людской, но ей тоже суждено когда-нибудь завершиться. Распускается цветок, созревает колос, гнется под тяжестью плодов дерево, и рано или поздно тихим шагом входит в дом непрошенная гостя – осень. Блестит серп жнеца, дождем летят опадающие листья, годовой круг приходит к концу, зима милосердно укрывает следы прошлого, чтобы с началом весны все повторилось вновь.

В Византии осень задержалась надолго. Многим казалось: Империя по-прежнему велика и могущественна, ее крепости неприступны, армия и флот не сравнятся ни с какими в мире, неисчерпаема казна и незыблема власть, что светская, что духовная. Но великая держава день ото дня все больше походила на истощенный короедами и непогодой дуб, готовый рухнуть от первого сильного удара топора.

Шесть сотен лет назад арабские племена, поднятые словом неистового пророка Магомета, отсекали от Византии богатейшую провинцию – Персию и все средиземноморское побережье от Газы до Лаодикеи. Правители Константинополя бессильно взирали на крушение мира, завещанного им, наследникам славы Рима. Империя таяла на глазах, как брошенный в воду кусочек льда. Ничего не осталось от былых огромных владений в Берберии и на землях Леванта, сохранилась едва ли двадцатая часть земель в Греции и Болгарии. Сельджуки-турки и арабы жадно смотрят на беззащитные земли Византии, лежащие на полдень от Пролива, и каждый день, месяц, год отщипывают по кусочку то здесь, то там, сдвигая нерушимые некогда границы, захватывая деревеньки и маленькие города. Даже вчерашние варвары, франки, почуввав слабость некогда грозного восточного соседа, становятся все нахальнее и самоувереннее.

Империя еще помнила времена, когда она самоуверенно не считала франков за людей. Дикари в плохо выделанных шкурах, тщетно пытающиеся подражать величию и славе завоеванного ими Рима. Когда они успели стать из говорящих животных разумными созданиями? Она не заметила. К старости она стала медлительной и рассеянной, уделяя внимание незначительным мелочам и упуская из виду главное.

Теперь... Теперь стало слишком поздно.

Франки, сто лет назад явившиеся с огнем и мечом, захватили цветущее побережье Палестины, сделав его своим владением. Они распоряжались повсюду, как хозяева, не замечая или не желая замечать, что их власть призрачна, словно рассветный туман над Босфором. Из пустынь налетали арабы, разбивали «гяуров»-неверных, заставляя их спешно грузиться на корабли и несолоно хлебавши возвращаться по домам или отсиживаться за стенами крепостей. На следующий год франки собирались с силами, и теперь уже сыновья Аллаха терпели поражение

ние, исчезая в вихрях песчаных бурь. Иерусалим, священный город, переходил из рук в руки, точно стершаяся монета на рынке. Короли, халифы и шахи сменяли друг друга, но все также плодоносили корявые оливы и наливался соком благословенный виноград.

Притаившаяся Византия терпеливо ждала.

Рано или поздно настанет миг, когда уклончивые обещания, льстивые слова и звонкие номизмы заставят врагов Империи насмерть схлестнуться между собой. Так было, так будет. Победитель определяется не на поле боя, как наивно полагают по-детски самоуверенные франки, а в тихих потаенных комнатах дворцов, под вкрадчивый шепоток малоприметных личностей. Пусть Империя дряхлеет, пусть ее правители более заботятся о собственных удовольствиях, нежели о благе подданных или безопасности границ, но долетевшее с берегов Босфора слово пока еще что-то значит на этой грешной земле. Пускай оно даже будет тихим, как отдаленный звон медного колокольчика или бормотанье полуночного доносчика. Его услышат.

Те, кто хотят, всегда слышат.

* * *

Укрепления маленького поселка Византия, одной из множества раскиданных по цветущим берегам Эвксинского Понта колоний непоседливых греков, начали строиться более восьми сотен лет назад до пришествия Спасителя. Впрочем, греки основали свою колонию вовсе не на пустом месте. Здесь, на берегу Мраморного моря, где великий пролив разделяет два континента, всегда селились люди. Сегодня эта земля стала владением греков, им предшествовали фригийцы, еще раньше – хетты, а до них? Кто знает? Город стоял тут всегда, с начала времен. Хотя люди до сих пор не могут прийти к единому мнению – от какого мгновения следует отчитывать это «начало времен»? С сотворения мира? С изгнания первых людей из Эдема? С вселенского потопа?..

Городок Византий жил своей привычной жизнью. Его разноплеменные обитатели рождались и умирали, торговали, заключали браки и союзы, воевали с пришельцами из-за Пролива или с вечно беспокойных болгарских земель. Захватчики стирали поселок с лица земли, приходилось все возводить заново, но с каждым разом извилистая линия зубчатых стен становилась все протяженнее и протяженнее, город все шире и шире расплзался по окрестным холмам из мягкого известняка, словно нарочно предназначенного для того, чтобы вырубать из него плиты для новых домов и новых стен.

Время неспешно текло мимо, вместе с мутовато-зеленой водой Босфора. Приходили и исчезали народы, сменялись правители, Греция уступила свою власть Риму, жестокие и прекрасные боги Эллады ушли своими непостижимыми для смертного разума путями, уступив место Кресту, варвары-готы разорвали в клочья некогда Великую Римскую Империю... В 330 году от рождества Христова над Византием – уже не крохотной колонией, а богатым и прославленным городом – воссияла слава новой столицы Империи. Бывший греческий форпост подарил свое имя величайшему государству, а сам получил другое, в честь неутомимого воителя и собирателя земель, императора Константина Великого.

Еще пятьсот медленных лет унесет Пролив, и на его цветущих берегах вспыхнет очередная война. На этот раз – за передел мира. Наследники будут рвать друг у друга остатки имущества тихо почившей Римской Империи, король франков Карл-Шарлемань, сын Пепина, и базилевс Никифор раздробят некогда единое государство на Восточную и Западную Империи, на владения ромеев-византийцев и франков.

А Босфор все так же струился мимо Винифийских холмов, чьи очертания настолько совершенны, что кажутся созданными не силами природы, но рукой искусного живописца, и по-прежнему мелькали на его глади паруса – белые и полосатые, зеленовато-голубые, в цвет воды, и вызывающе-багровые. Проливу все равно, чем заняты живущие на его берегах люди.

Он всего лишь текучая вода, которая, если верить преданиям, смывает все: людские радости и горести, славу и позор, громкие имена и безвестные прозвища. Недаром время сравнивается с течением реки – бесконечной, равнодушной, неудержимой реки.

Река времен подхватила с отмелей и увлекла за собой бурную молодость древней греческой колонии, оставив взамен медлительную, надменную старость и торжественное осеннее золото. В Византию пришел сентябрь – начало покосов, сбора урожая и раздумий о будущем.

Будущее, как утверждали летописцы, астрологи и болтливые кумушки на площади Августы и в лавчонках-камарах вдоль Большой Месы, не сулило ничего хорошего. На перекрестках, в тавернах и галереях дворцов великого города, переносимые морским ветерком от Золотых ворот до площади Тавра-Быка, с оглядкой повторялись одни и те же слова: «*франки*», «*Палестина*», «*что скажет базилевс?*»

И звонили, заглушая людские голоса, соперничая друг с другом, церковные колокола – в соборе Святой Софии-Мудрости, девятом чуде света, в кварталах патрикиев, черни и иноземцев, на другом берегу Пролива, в городах-соседах Хризополе и Халкидоне. Звонили, перекликаясь, заставляя небо и землю прислушиваться к переливчатым звукам, словно пытаясь напомнить нечто давно позабытое.

* * *

Базилевс же не сказал ничего.

Правитель Византии, Андроник из древней фамилии Комнинов, молчал так долго, что его собеседник слегка забеспокоился – уж не задремал ли базилевс, недавно достигший почтенного возраста семидесяти лет? – и украдкой покосился на основательно расположившуюся в резном кресле фигуру.

Базилевс напоминал не то оживший памятник самому себе, не то изображение библейского старца или ветхозаветного пророка. Придворные летописцы и поэты льстиво сравнивали правителя со стареющим львом, и отчасти были правы. Даже в старости Андроник сохранял величественность осанки, не говоря уж о природно остром уме и способности обвести вокруг пальца кого угодно: от правителя соседнего Конийского султаната до собственных, не слишком легковых подданных.

И, конечно же, базилевс не спал. Возможно, государь великой Восточной Империи размышлял над услышанным; возможно, его ум занимало нечто совершенно иное, например, грядущие неурядицы с сицилийскими норманнами. Собеседник базилевса (или, как его именовали на франкский манер, императора) дорого бы дал за возможность узнать, о чем думает повелитель ромеев. Он не без основания считал, что принесенные им новости заслуживают самого пристального внимания. Сам он полагал их настолько важными, что потратил уйму времени и денег, дабы в нарушение всех традиций во внеурочное время проникнуть в Палатий и, опередив возможных соперников, лично доложить обо всем базилевсу. Согласно здешнему строжайшему этикету, ему, недоброму вестнику, уже сказавшему свое слово, теперь полагалось смиренно ожидать.

Вот гость и ждал, то поглядывая в сторону расцвеченной парусами бухты Золотого Рога, то сдержанно постукивая загнутым носком сапога для верховой езды по коричнево-красным мраморным плитам открытой террасы. Как всем уроженцам Европы, ему частенько не хватало выдержки. Конечно, несколько лет службы Империи научили его не приступать ни к каким важным делам сломя голову, но, как утверждает пословица, «кляча не поскачет галопом, а франк не перестанет торопиться».

«Покойный братец был прав: не стоит иметь дело даже с лучшими из них, – старый базилевс внимательно глянул из-под полуопущенных век на ерзающего гостя и чуть заметно ухмыльнулся. – Варварами они были, варварами и остались. Взять хотя бы этого. Примчался,

молол языком, как мельница при урагане, а теперь сидит и искренне надеется, что его похвалят за усердие. Да, из его болтовни можно выудить две-три крупницы полезных сведений, и что с того? Эти франки даже не варвары, они животные. Голодные, жадные псы. Несутся за тем, кто посулит им косточку пожирнее. Впрочем, псы частенько бывают весьма необходимы...»

Правитель Византии решил не отказывать себе в маленьком удовольствии и заставить нетерпеливого визитера помучиться еще немного. Глядишь, разволнуется, забудется и ненароком брякнет то, что первоначально собирался утаить. Гость отчасти напоминал базилевсу дни его собственной молодости, когда успех доставался тому, кто не сидел на месте, и знаки таинственного Фатума, Судьбы-Предназначения, читались, как страницы распахнутой книги.

Глава третья

Эх, дороги, пыль да туман...

Неподалеку от переправы через реку Эндр, Аквитания.

16 сентября 1189 года, вечер и ночь.

Готовая вот-вот вспыхнуть ссора между компаньонами грозила обернуться не слишком приятными последствиями, если бы сэр Гай Гисборн вовремя не смекнул, в чем тут дело. Никаких еретиков, разумеется, Мак-Лауд не опасался (Гай подозревал, что у его попутчика в силу какого-то недоразумения напрочь отсутствует чувство боязни). Шотландец опять начинал торговаться – из врожденного упрямства и желания посмотреть, как будет выкручиваться Гай.

– Хорошо, – невозмутимо проговорил сэр Гисборн. – Ты не хочешь никуда ехать. Дело твое. Поскольку мы позвали тебя с собой, ты имеешь полное право покинуть нас по своему усмотрению. Я продолжу путь в одиночку. Верни деньги и можешь отправляться на все четыре стороны.

– Какие деньги? – насторожился Дугал, и в его взгляде заискрилось подозрение.

– Деньги твоего бывшего господина, де Лоншана, – охотно растолковал Гай. – Те, что мы у него... позаимствовали. Мы разделили их между собой, дабы оплатить расходы в странствии до Святой земли. Ты отказываешься продолжать путь, значит, твоя доля возвращается и присовокупляется к нашим общим средствам.

– Мы так не договаривались... – слегка растерянно начал Мак-Лауд. Гисборн перебил, стараясь говорить как можно внушительнее:

– Дугал, здесь не торговая сделка и мы не купцы, чтобы спорить до хрипоты над каждым условием соглашения. Если ты еще не забыл, мы не прогуливаемся для собственного удовольствия, а идем в Крестовый поход. Это, – он коснулся лежавшего на столе пергамента, загнувшегося по линиям сгиба, – приказ от моего господина. И твоего тоже, потому что ты, по доброй воле присоединившись к нам, тем самым поступил к нему на службу. Приказы, особенно приказы королей, не обсуждаются, а исполняются, слышал когда-нибудь такое?

– Уж и пошутить нельзя, – оторопело пробормотал Дугал.

– Можно, – возразил Гай. – Но сначала нужно подумать. Потому я в первый и последний раз спрашиваю: мы вместе едем в Тулузу или ты предпочитаешь следовать своим путем? Решай быстрее.

– Да едем, едем! – Мак-Лауд с досадой загнал лезвие кинжала в деревянную обшивку стены трактира. – Куда хочешь – в Палестину, в Константинополь или к черту на рога!

– Не поминай всуе, – строго напомнил сэр Гисборн. Дугал страдальчески возвел глаза к закопченным потолочным балкам. – Раз все решено, то, пожалуй, не стоит задерживаться. Нужно будет послать кого-нибудь на пристань – известить владельца «Бланшфлер», что мы не придем. Не совсем удачно, конечно, получается. Нам бы толковых попутчиков или проводника... Что, ты говорил, творится в Лангедоке с еретиками?

– Да ничего особенного, – Мак-Лауд скривился. – Просто я хотел тебя поугадать и слегка приукрасил те рассказы, что доводилось слышать. Там обитает какая-то секта – патарены, фатарены, точно не знаю. Говорят, они поклоняются черной кошке, не признают крест, едят на пасху копченых младенцев и все такое прочее. Обычные бредни. Доберемся до Италии – еще не такого наслушаешься. Вот где настоящая змеиная яма, за каждую букву в Писании готовы

спорить до хрипоты. Сами запутаются и всех остальных запутают. Но нам-то до них какое дело? Лучше скажи, как ты намерен добраться до Тулузы? Выспрашивая у всех встречных: «Скажите, это дорога на Лангедок?»

– Почему бы нет? – Гай пожал плечами. – Смог же ты таким незамысловатым способом прогуляться почти через всю Европу. Неужели не знаешь, хотя бы какого направления нужно держаться?

– На полдень, – Дугал задумался и ожесточенно поскреб в затылке. – Точно скажу, что следующий большой город, который нужно миновать – Пуату. Потом Лимож... нет, лучше в Ангулем. А вот куда дальше... Жаль, что Барди со своими уехал. Им-то наверняка известны наперечет не только дороги, но и постоянные дворы, сборщики налогов и даже грабители.

– Барди... – задумчиво повторил сэр Гисборн. – Знаешь, в этом есть нечто толковое... Вряд ли они успели далеко отъехать от Тура, с их-то колымагами! Мы еще можем их догнать – не сегодня, так завтра – и расспросить. Заодно узнаем, не встречались ли им по дороге от Руана наши похитители. Давай быстро собирай вещи и седлай лошадей. Я расплачусь и сразу приду.

Мак-Лауд согласно кивнул и устремился к лестнице, ведущей на второй этаж, к жилым комнатам. Гай покопался в висевшей на поясе вместительной кожаной сумке, извлек несколько новеньких серебряных пенни английской чеканки, сложил их столбиком и потряс беспробудно спящего гонца за плечо. Тот недовольно заворчал, но проснулся и уставился на ноттигемца осоловелыми глазами.

– Это тебе, – Гай придвинул монеты поближе. – Мы уезжаем. Передай тем, кто тебя послал: постараемся сделать все возможное, чтобы оправдать их доверие. Запомнил? Да, и еще. Нынешним вечером наведайся на луарские пристани, отыщи судно под названием «Бланшфлер» и извести владельца, что господа из Англии, к сожалению, вынуждены отказаться от его услуг. Все понял?

– Милордам сказать, что поручение по возможности будет выполнено, – без малейшей запинки отчеканил гонец, хотя Гай мог поклясться, что тот еще спит. – Корабль «Бланшфлер» на Луаре сегодня вечером, гостей не ждать. Благодарствую за щедрость, сэра, – он снова ткнулся головой в сложенные на столе руки, успев при этом ловко сгрести монетки.

Сэр Гисборн покачал головой, мысленно посочувствовав тяжелой и небезопасной должности королевского гонца. Но в самом деле, каким же путем отец Колумбан отправил Фармера-младшего с его оруженосцем? Им ведь тоже нужно попасть в Марсель, чтобы оттуда отправиться на Сицилию, к войску короля Ричарда. Конечно, в королевстве хватает дорог, чтобы разминуться, и все-таки Дугал прав – за недомолвками святого отца что-то кроется...

Решив попозже еще раз как следует обдумать все увиденное и услышанное, Гай взял письмо, свернул, обмотав остатками ниток, и забросил на тлеющие угли очага. Желтоватый пергамент неохотно воспламенился, подернувшись по краям черно-алой каймой и исходя синеватым дымком. Сэр Гисборн терпеливо дождался, пока лист не обуглится полностью, превратившись в россыпь догорающих обрывков и оплавленных кусочков сургуча, встал и направился к стойке, собираясь расплатиться с хозяином гостиницы за постой.

Путь ему преградила нога.

Нога в изумительно сшитом красном сапоге из дорогой кордавской кожи. К ней, разумеется, прилагалось все остальное – сиречь ее владелец, господин средних лет, аристократического вида, в добротном черном костюме несколько непривычного для Гая фасона, вооруженный длинным и узким мечом, висевшем, вопреки обычаям, на правом бедре. На седеющей голове незнакомца красовался лихо сдвинутый набок бархатный берет ослепительно-малинового цвета. Сэр Гисборн не мог с уверенностью сказать, откуда взялся в пустом зале трактира этот надменного вида посетитель – зашел с улицы или спустился с верхнего этажа. Или он сидел здесь с самого начала, еще до того, как он и Мак-Лауд вернулись на постоянный двор? Но тогда бы они непременно его заметили...

Нога в роскошном сапоге отодвинулась. Гай недоуменно посмотрел на слегка приподнявшегося в знак приветствия человека, пытаясь определить, откуда он родом. Уроженец Италии или выходец из-за Пиренеев? Ясно, что дворянин, причем не из мелкопоместных, а из тех, что вершат судьбами подданных наравне с королями. Что подобному аристократу делать на постоялом дворе средней руки?

– Приношу глубочайшие извинения за столь странный поступок, – голос незнакомца звучал несколько приглушенно и удивительно мягко. Гай мельком подумал, что даже при дворе принца Джона и среди ученейших клириков Кентербери не встречал человека, настолько хорошо владеющего языком английской знати, обычно называемым норманно-французским. – Однако у меня имеется достойное оправдание. Вы не торопитесь, мессир Гисборн?

– Н-нет, – слегка растерялся Гай, услышав от незнакомца собственное имя и точно помня, что не представлялся. Может, это человек из окружения Годфри Клиффорда, который видел его в Лондоне, но не успел познакомиться? – То есть да, я... мы спешим, но...

– Но вполне можете уделить мне несколько мгновений, – малиновый берет качнулся, изпод него холодно блеснула пара кремнево-серых прищуренных глаз. Окончательно смешавшийся сэра Гисборн отступил назад, наткнулся на вовремя подвернувшуюся скамью и даже не сел, а неуклюже плюхнулся на нее.

«Что со мной творится? Слова разбегаются, язык как окаменевший, в глазах темно... Или в зале стемнело? Словно напился...»

– Вашему другу, несмотря на его вопиющее презрение к устоям общественного порядка, нельзя отказать в здравом смысле, – невозмутимо продолжал незнакомец. – Я не склонен к подслушиванию, но позвольте на правах старшего дать вам совет – отправляйтесь тем путем, коему вы собирались следовать изначально. Ступайте на пристани, грузитесь на корабль и забудьте о Тулузе. Не беспокойтесь, что гонец вернется в Лондон и сообщит принцу о вашем решении ехать в Лангедок. Его высочество Джон испытает легкое разочарование. Его приказ запоздает и не попадет к вам в руки. Вы никогда в глаза не видели никакой бумаги и не слышали ни о каком пропавшем архиве. Уезжайте из Тура, мессир Гисборн, уезжайте как можно скорее. Вас ждет – не дождется Святая земля.

– Кто вы? – с трудом выговорил Гай. Ему внезапно захотелось спать. Голос неизвестного в малиновом берете убаюкивал, успокаивал, обволакивал, как ласковая, но прочная сеть. – Зачем вам наш отъезд? Почему... почему нам нельзя в Тулузу?

– Я тот, кому небезразлична ваша судьба, – емко сказал неизвестный и, вдруг насторожившись, посмотрел вверх. По лестнице затопали шаги спускающегося человека, и, судя по скрипу досок, это мог быть только Мак-Лауд, перемахивавший через две ступеньки и что-то насвистывавший.

– Гай! – жизнерадостно заорал он, влетая в залу. – Ты чего сидишь? Заснул, что ли? Кричал – быстрее, быстрее, а сам дрыхнет на ходу!

Сэр Гисборн рывком поднялся на ноги и судорожно огляделся. Пустая общая зала гостиницы, ровные ряды столов, вышедший откуда-то из внутренней двери за стойкой хозяин, недоуменно уставившийся на постояльцев – и никаких следов присутствия загадочного человека в черном костюме и малиновом берете. Примерещилось, что ли?

Не дождавшись ответа компаньона, Дугал широким жестом метнул на стойку тяжелый звякнувший мешочек, сопроводив его словами «Это за все!» и потащил Гая за собой во двор, провожаемый многословными благодарностями и напутствиями содержателя «Золотого кочета».

* * *

Темная вода с негромким плеском обтекала наискось пересекающий реку паром, и вниз по течению уплывали еле различимые обрывки пены. Паром – два десятка уложенных в ряд стволов лиственницы, обшитых внахлест толстыми досками и огражденный покосившимся поручнями – выглядел заслуженным воякой, благополучно состарившимся на боевом посту. В глубине души Гай ожидал, что сейчас либо перетрутся связывавшие бревна канаты, либо топочущие кони проломают изрядно прогнивший настил. Соловый жеребец, впрочем, вел себя прилично, невозмутимо косясь на проносящуюся мимо воду. Серая же скотина Мак-Лауда немедля прониклась к парому отвращением и попыталась укусить перевозчика. Схлопотав от хозяина по морде, конь притих, но не смирился и начал украдкой грызть деревянный поручень. Гай подумал, что имечко, коим Дугал окрестил свою четвероногую собственность, хоть и звучит на варварский манер, зато выбрано на редкость точно: Билах – сказочная лошадь-чудовище.

Перевозчик, жилистый, бодрый и говорливый старикан из деревушки на полуночном берегу, оставшейся для путешественников безымянной и сейчас медленно отдалявшейся, изо всех сил налегал на длинный шест, толкая неуклюжее сооружение вдоль натянутых между берегами канатов, и успевая безостановочно работать языком. Маловразумительная речь предназначалась даже не пассажирам, а всему окружающему миру: неширокой, но стремительной реке, притоку Луары под названием Эндр, смутно виднеющимся над пологими холмами укреплениям Турской крепости и начинающему темнеть небу.

Единственной жемчужиной среди словесной шелухи мелькнуло известие, что незадолго до господ рыцарей на другую сторону Эндра переправился торговый обоз в три больших фургона, с тремя или четырьмя десятками шумных людей при нем. Мак-Лауд попытался расспросить старика подробней, но добился немногого: торговцы проехали, когда солнце повисло «во-он над той кривой осиною», расплачивались серебром нормандской чеканки и отправились на полдень, собираясь к вечеру достичь небольшой деревеньки Тиссен, владения местного барона, и заночевать там.

– Никуда они не денутся, – убежденно заявил Дугал, вернувшись к своему компаньону, задумчиво созерцавшему хлипкий причал на правом берегу и шелестящие тростники. – Вряд ли далеко укатили. Не нагоним по дороге – встретим в Тиссене, до него, если я правильно разобрал бормотание этого старого пня, лиги две, не больше.

Сэр Гисборн безразлично кивнул. Он не сомневался, что не обремененные тяжелым грузом всадники без труда догонят медленно движущийся обоз. Куда больше его занимали два совершенно иных соображения. Первое: рассказывать шотландцу о странном происшествии на постоялом дворе и непонятном незнакомце с его предостережениями или не стоит? Сейчас Гай уже начинал сомневаться в том, что встреча происходила на самом деле, а не порождена его неожиданно взыгравшим воображением.

Вторая мысль касалась пропавших из Тауэра бумаг, и человек, способный подтвердить ее либо опровергнуть, находился рядом, рассеянно глядя по сторонам.

– Дугал, сколько ты прослужил у Лоншана? – поинтересовался сэр Гисборн.

– Около года, – после некоторого размышления ответил Мак-Лауд. – Я вернулся на Остров, когда умер Старый Гарри и королем стал его сынок Ричард, себе на горе поставивший мэтра Уильяма канцлером. А что?

– Ты, случаем, не видел этого приснопамятного архива?

– Конечно, видел, – удивленно ответил Дугал. – Его держали вместе с остальными документами королевства. Десяток или дюжина здоровенных сундуков, по самую крышку набитых пергаментами.

– Значит, весь архив находился в одном месте? – уточнил Гай.

– Вот ты о чем, – сообразил Мак-Лауд. – Тогда, пожалуй, я не совсем верно выразился. В Тауэре канцлер хранил все, относящееся к собственно делам Англии – свои указы, письма от Ричарда, всякие рескрипты из провинций, жалобы, доносы и прочее в том же духе. Личные бумаги он держал отдельно, в своих покоях. Когда стало ясно, что по вашей милости в Лондоне готов вспыхнуть мятеж и надо спасти свои шкуры, Лоншан вознамерился прихватить это добро с собой. Пришлось растолковать, что невозможно удирать, волоча на себе тяжеленные ящики с его драгоценной писаниной. Мы их спрятали, ибо мэтр Уильям твердо верил в расположение Ричарда и свое победное возвращение. Я, к слову, его предупреждал: не нужно задевать Клиффорда, пускай приезжает. С любым человеком, если постараться, можно найти общий язык. Но Лоншан настоял на своем, и вот к чему привело его упрямство.

– Значит, кто-то, прекрасно осведомленный о тайниках господина канцлера, воспользовался общим переполохом и забрал документы сразу же после вашего поспешного... э-э, отбытия, – подытожил сэр Гисборн. – Можно уверенно предположить, что этот человек обладал правом беспрепятственного прохода в крепость, иначе как бы он вообще туда попал? Раз ты был начальником стражи, то должен знать, кого пропускали к канцлеру безо всяких распросов. Среди них не встречался человек, описанный Годфри?

– Подобное описание подходит к половине жителей Англии и четверти обитателей Франции, – хмыкнул Дугал. – Например, к Мишелю или даже к тебе. Да, время от времени в Тауэре появлялись люди, о которых мэтр Лоншан заранее распорядился – сразу вести к нему. Однако подобного типа среди них я не припоминаю.

– Ладно, – протянул Гай. – Вернемся к архиву. Какой вид он имел?

– Пять небольших, очень тяжелых сундуков черного дерева в бронзовой оковке, с врезными замками итальянской работы, – не раздумывая, откликнулся Мак-Лауд и уныло закончил: – Но пять – это тех, что я видел, их вполне могло быть больше. Сдается мне, что твоим господам взбрело в голову поручить нам найти корни радуги или изловить парочку-другую призраков. Может, им еще Местер Стурворма раздобыть?

– Это такое животное? – привычно уточнил сэр Гисборн.

– Ага. Морской змей. Здоровенная чешуйчатая тварь шагов тридцати длиной. Когда не топит корабли, приплывает на восходное побережье – греться на солнышке.

– Ничего, и Местера вашего разыщем, если понадобится, – Гай пытался говорить с уверенностью, которой отнюдь не ощущал.

Паром зацепил песчаное дно и мягко ткнулся в низкий берег, придавив своей тяжестью захрустевшие стебли камышей. Обрадованные возвращением на твердую землю, лошади бодро затопали по шатающемуся причалу. Перевозчик, заполучив свою мзду, налег на шест и поплыл обратно, к тускло мерцающим в окнах деревенских домов огонькам, продолжая растянувшийся на годы спор с самим собой.

Мягкая топкая земля сохранила неоспоримое подтверждение слов старика: на ней остались отпечатки множества копыт и глубокие колеи, проложенные тяжелыми фургонами. Примятая колесами трава только начала распрямляться – значит, обоз проехал здесь совсем недавно. Солнце уже наполовину нырнуло за горизонт, но света, чтобы не сбиться с дороги, вполне хватало. К тому же дорога всего одна – широкий мощный тракт, соединяющий Тур и расположенный в восемнадцати лигах от него Пуату, а также все лежащие поблизости баронские замки и поселки. Его темная полоса, отлично видимая в наступающих сумерках, взбиралась вверх по пологому откосу и исчезала среди невысоких взгорий, поросших тронутым желтизной лесом. Где-то за этими перелесками пряталась деревушка Тиссен и неспешно громыхали по дороге три запряженных тяжеловозами торговых фургона.

* * *

Отдохнувшие за время пребывания в Туре лошади ничуть не возражали против того, чтобы пройтись рысью. К тому же они наверняка догадывались, что скакать им придется только до темноты, ибо в ночное путешествие может погнать только неотложная необходимость, а таковой пока не имелось. Серый Билах пару раз срывался на кентер – короткий галоп, унося своего хозяина за поворот дороги. Возвращался Дугал слегка разочарованным: обоз по-прежнему оставался недосягаем.

Кое-где тракт пересекал русла мелких речек, больше похожих на разлившиеся ручьи, и там горбились мостики – каменные или деревянные, со свеженаложенными заплатами досок. На одном из таких мостов Мак-Лауд вдруг натянул поводья, остановил коня и прислушался. Жеребец, словно передразнивая всадника, тоже поднял уши и шумно втянул воздух трепещущими розовыми ноздрями.

– Померещилось, что ли... – озадаченно бросил шотландец. – Ты ничего не слышишь? Кричали как будто...

Гай добросовестно вслушался. Фыркание коней, плеск неспешно струящейся между опорами воды, шелест деревьев, заунывный посвист какой-то птицы, и более ничего.

– Скачут, – без колебаний заявил Мак-Лауд. – Одиночка, несется на полном галопе.

Теперь и сэр Гисборн различил стремительно приближающийся топот. Они едва успели шарахнуться к ограде моста, как мимо них вихрем промчалась лошадь темной масти – не то гнедая, не то вороная. Мелькнули дико вытаращенные глаза, развевающаяся грива и сбитое набок седло с болтающимися стремянами. Животное, даже не заметив двух всадников, унеслось дальше, к берегу Эндра.

– Они неподалеку, и у них что-то стряслось, – глубокомысленно заключил Дугал. – Скорее всего, сейчас мы узрим обычный грабеж. Подходящее местечко – глухомань и лес кругом. Выскочили, напали и скрылись – ищи, пока не надоест.

– Послушать тебя, так ты всю жизнь устраивал засады на дорогах, – заметил Гай.

– Доводилось, – Мак-Лауд хлестнул жеребца поводьями по шее. – Глянем, кто нарушает королевские указы о безопасности проезжих трактов?

Ехать пришлось недолго – около двух полетов стрелы. За очередным взгорком дорога круто пошла вниз, устремляясь через болотистую низину. Под копытами лошадей захлопала грязная жижа. Именно здесь, среди низкой поросли осоки и искривленных ольховых деревьев, под сумеречным небом, и завершился путь торгового обоза предприимчивого мэтра Барди.

Первый фургон они увидели сразу – он завалился набок, и одно из колес все еще продолжало вращаться, надрывно поскрипывая. Перед ним темной горкой неопределенных очертаний громоздилась шестерка некогда бодрых пегих тяжеловозов, безотказно тащивших свою повозку по всем дорогам европейских королевств.

Мак-Лауд, оглядевшись, присвистнул. Сэр Гисборн мимолетно поразился царившей над долиной тишине. Обоз сопровождали почти сорок человек, из них больше половины наверняка умели неплохо обращаться с оружием. Какой же величины отряд напал на торговцев, что сумел справиться настолько быстро и бесшумно? Зачем понадобилось убивать не только людей, но и лошадей? Допустим, люди оказывали сопротивление, но животные? Какой грабитель откажется от возможности даром заполучить лишнюю лошадь? Да и фургоны, ради которых затеялось нападение, не тронуты: вон виднеется второй, застрявший в неглубоком болотце, а там третий – стоит посреди дороги, перекосившись набок. И куда, собственно, исчезли нападающие? Не могло же их отпугнуть приближение всего двоих человек?

Проехавший чуть дальше Дугал беззвучно соскользнул с коня. Гай заметил, что длинная клеймора непонятно когда переместилась из ножен в руку хозяина. В следующий миг он с

удивлением отметил, что его собственный меч находится там, где ему положено пребывать во время опасности, то есть в правой ладони. Не сговариваясь, они медленно двинулись к поваленному фургону: Мак-Лауд впереди, приглядываясь, принохиваясь и замирая при каждом подозрительном движении, сэра Гисборн немного позади, в качестве тяжелой конницы, способной либо мгновенно атаковать, либо прикрыть вынужденное отступление. У Гая по-прежнему не укладывалось в голове: как многоопытный, не первый год странствующий купец и его люди могли так безропотно позволить расправиться с собой? Или они настолько не ожидали нападения? Может, кто-нибудь уцелел, сбежал и прячется в окрестном леске? Но самое главное – где разбойники? Почему вокруг стоит такая мертвенная тишь?

Шотландец остановился, жестом подозвал компаньона, указал на свою находку – тело человека в зеленой тунике, проткнутое двумя длинными стрелами. Чуть подальше еще одно, похоже, свалившийся с облучка возница.

– На чьей-то стороне орудовал очень хороший стрелок, – вполголоса заметил Мак-Лауд. – В первый раз встречаю подобных грабителей – без труда перебили охрану и исчезли, бросив добычу.

Он толкнул кончиком меча выпавший из недр фургона небольшой сундучок. Тот перевернулся набок, открылся, изнутри со звоном посыпались крохотные стеклянные флакончики. Поплыл запах – незнакомый, пряный, кажущийся осязательно-сладким.

– Это из Леванта, – пояснил Дугал. – Каждая безделушка стоит не меньше десяти-двадцати пенсов. Ни за что не поверю, чтобы кто-то запросто оставил на дороге целое состояние!

– Их могли спугнуть, – предположил ноттингамец. Мак-Лауд презрительно фыркнул, и Гай понял, что сморозил глупость: если разбойники скрылись, увидев отряд стражи или людей здешнего барона, то где в таком случае отважные спасители и безмерно благодарные спасенные?

Вокруг все оставалось по-прежнему: настораживающая своей обманчивостью тишина, заросшая осокой низина, появившиеся и пока еле заметные клочья сероватого тумана, заходящее солнце, неотвратимо наступающая ночь и разбросанные то там, то сям неподвижные холмики людских тел и конских туш. Болотце напоминало поле битвы, не хватало только каркающего воронья и суетливо перебегающих от трупа к трупу мародеров. Впрочем, Гай не сомневался, что и те, и другие не замедлят явиться.

– Что будем делать? – спросил Дугал, нарушив удручающее молчание. – Похоже, в живых никого не осталось, а кому повезло, удирает со всех ног. Скоро совсем стемнеет. Предлагаю махнуть галопом до Тиссена, разыскать кого-нибудь из облеченных властью – хотя бы владельца ближайшего замка – и сообщить, что на его землях произошло вот такое... Дальше пускай сами разбираются.

По здравом размышлении шотландец был совершенно прав. Господа рыцари ничем не могли помочь неудачливому купцу, разве позаботиться о его останках, так и не проданных товарах и справедливом возмездии. Но сэра Гисборн хотел доподлинно убедиться, что, уезжая, они не оставляют на произвол судьбы притаившегося раненого или спрятавшегося в кустах человека, не знающего, кто перед ним – друг или враг. Потому, наплевав на осторожность и на безрадостное обстоятельство, что неведомые разбойники все еще могут находиться поблизости, он гаркнул как можно громче:

– Эй! Есть тут кто? Живая душа, отзовись!

Мак-Лауд скривился и демонстративно потер свободной ладонью ухо:

– Бесполезно. До покойников не докричишься.

Словно опровергая его мрачные утверждения, послышался неровный топот и из сизых прядей тумана высунулась печальная лошадиная морда. Животное кротко осмотрело двоих незнакомцев, рассудило, что они не представляют опасности, и выбралось на дорогу.

– Вот и свидетель нашелся, – Дугал, не выпуская рукояти меча, поймал лошадь за свешивающиеся поводья. – Жаль, нельзя отвести ее в суд и попросить рассказать, что она видела и что здесь произошло. Может, поедем? Смеркается, а заплутать в тумане – мало хорошего...

Он уверенным движением забросил клинок в ножны и начал возиться с упряжью приبلудившейся скотинки, сооружая длинный ремень-чембур и привязывая его к луке собственного седла. Гай на всякий случай повторил призыв и старательно прислушался, но различил только приглушенный туманом отголосок да заполошный вскрик болотной птицы.

Поваленный на бок фургон загородил всю дорогу, так что пришлось сойти с надежного тракта и обойти препятствие по хлюпающей грязи, назойливо облеплявшей все, что по неосторожности оказывалось рядом. В сером мареве зашевелилось нечто крупное, громко фыркающее – еще одна лишившаяся хозяина лошадь. Эта, в отличие от своей товарки, повела себя более трусливо и подойти не решилась, грузно ускакав вглубь долины. Мертвые тяжеловозы казались спящими, если только кто-то встречал тягловых лошадей улегшимися подремать прямо в упряжи и посреди дороги. Проезжая мимо, сэр Гисборн всмотрелся и мельком отметил, что не видит стрел или арбалетных болтов, торчащих из павших коней. Не попалось ему на глаза и растекающихся луж крови, доказывающих, что нападавшие перерезали тяжеловозам шейные жилы. Отчего тогда умерли лошади?

Слегка озадаченный Гай поднял голову, собираясь окликнуть Мак-Лауда и поделиться своим наблюдением. Серый жеребец стоял в нескольких шагах впереди, нетерпеливо мотая головой, его всадник пристально разглядывал медленно перемещающиеся над низиной клубы сырого тумана.

– Кажется, твои вопли не прошли даром, – бросил он через плечо и спрыгнул на землю. – Вон кто-то плетется.

Движущийся среди пепельной хмари силуэт отчасти смахивал на болотный призрак, если бы его не сопровождали чавканье размокшей глины и отчетливые всхлипывания. Незнакомый человек из разоренного обоза, пошатываясь и спотыкаясь, брел к дороге и спасительным людским голосам. На обочине он запнулся о вывернутый булыжник и непременно бы полетел носом вниз, если бы Дугал не успел схватить его за плечо и рывком поставить на ноги.

– Провалиться мне на месте, это же Френсис!

В представшем глазам двоих путников грязном, трясущемся существе, часто и судорожно втягивавшем воздух, с трудом узнавался щеголеватый молодой человек, безмятежно распевавший на постоялом дворе в Туре. Френсис – вернее, Франческо – косился на компаньонов диким взглядом попавшегося в ловушку зверя, но Гай не мог с уверенностью сказать, осознает ли он присутствие рядом других людей, и вдобавок не представлял, что надлежит делать в случае, если у вас на руках оказался насмерть перепуганный человек.

Мак-Лауд, как обычно, не стал тратить время на долгие размышления. Вместо этого он легонько потряс спасенного, спросив:

– Приятель, ты не ранен? Где все ваши, разбежались? Кто на вас напал? Давно? Эй, ты меня слышишь?

Мутный взгляд темных глаз с непривычно яркими белками приобрел некоторую осмысленность, Франческо дернулся, его заколотило, а следом за дрожью хлынул поток маловразумительных фраз на итальянском языке вперемешку с призывами ко всем святым и неразборчивыми причитаниями. Оборвалось словоизвержение только после второго толчка, причем раздалось отчетливое клачание сомкнувшихся зубов. Дугал с плохо скрываемой растерянностью глянул на своего попутчика:

– Ты что-нибудь понял?

– Нет, – пожал плечами сэр Гисборн. – Но ты вроде как умеешь объясняться на его наречии?

– Да, когда со мной разговаривают по-людски, а не тараторят, как спятившая сорока! – огрызнулся Мак-Лауд и повернулся к тихо икавшему Франческо:

– Так дело не пойдет. Мы не сумеем помочь твоим сородичам, пока ты не успокоишься и расскажешь толком, что тут случилось. Нет, нет, помолчи пока! – вовремя оборвал он грозивший начаться сызнова словесный припадок. – Постарайся взять себя в руки. Кивни, когда сможешь говорить нормально.

Черноволосяя голова со спутанными и покрытыми коркой грязи локонами слегка наклонилась, затем поднялась.

– Хорошо, – одобрил шотландец. – Только помни: если снова начнешь голосить, как припадочный, придется заткнуть тебе рот – ради твоего же блага. Зато те, кому еще можно помочь, так и сгинут. Кто-нибудь, кроме тебя, остался жив?

– Н-не знаю, – еле слышно выговорил Франческо.

– Где ваш хозяин?

– Morte... Убит...

– Кто на вас напал? Куда они скрылись?

– Грабители... – выдержка снова подвела молодого человека и он принялся что-то беззвучно бормотать про себя, пристально уставившись в невидимую компаньонам точку. – Тени в сумерках...

– Значит, мэтру Барди все-таки не повезло, – подвел неутешительный итог краткого допроса Мак-Лауд. – Жаль. Похоже, больше он не скажет ничего толкового.

– Как думаешь, он сможет ехать верхом? – озабоченно спросил Гай. – Или лучше посадим его сзади?

– Сейчас узнаем, – отмахнулся Дугал. – Эй, ты с лошади не свалишься?

Франческо, оборвав свой неслышный разговор, несколько раз открыл и закрыл рот, точно вытасненная на берег рыба, и внезапно вытолкнул из себя отчетливо прозвучавшее имя: «Изабелла».

– Что? – встревожено переспросил Мак-Лауд. – Твоя языкатая приятельница? Она цела? Где она?

– Убежала, – Франческо хлюпнул носом и попытался ладонями вытереть лицо, испачкавшись еще больше. – За ней погналось ogculli... чудовище... чудовище из мрака...

– Совсем парень свихнулся – чудовищ каких-то приплел, – озадаченно заметил Дугал. – Или он разбойников так называет? Ладно, потом разберемся. Куда она побежала, можешь сказать? Давно это случилось?

– Туда, – Франческо слабо махнул рукой в сторону близкого леса и исчезающей под его темными кронами дороги. – Половина... половина часа назад.

Мак-Лауд и Гисборн переглянулись. Попавшая в беду женщина, вне зависимости от ее происхождения и качеств характера, нуждается в помощи. Далеко убежать она не могла, но, может, при удачном стечении обстоятельств и сообразительности, ей удалось обмануть своих преследователей и спрятаться? Если же мистрисс Изабелла оказалась не столь везучей, придется растолковать ее похитителям, что девушка торгового сословия имеет такое же право на защиту, как и благородная дама.

– Надо отыскать ее, – сэр Гисборн шлепнул поводьями по шее своего коня, с равнодушным видом взиравшего на унылые окрестности. – Я поеду вперед, посмотрю, не осталось ли каких следов.

– Забирайся в седло, – не терпящим возражений голосом приказал Мак-Лауд и подтолкнул Франческо к найденной лошади. – И держись изо всех сил. Упадешь – сам виноват. Гай, подожди меня!

* * *

За низиной, полностью утонувшей в неспешно переливавшихся с места на место клубах тумана, которым наступившие сумерки придали дымчато-стальной цвет, дорога вскарабкалась на поросший старыми буковыми деревьями холм. Смеркалось, от болота потянуло холодом, в темно-сером небе замерцал осколок нарождающейся луны. Кони, точно сговорившись, начали упрячиться, норовя свернуть с тракта. Билах, в бессчетный уже раз получивший за свои выходы увесистого пинка, возмущенно заржал и попытался встать на дыбы. Звук обыкновенного ржания, болезненно отдавшийся в ушах звоном надтреснутого колокола, невольно сделал доброе дело: на него откликнулись. Где-то неподалеку зашлась в пронзительном вопле другая лошадь.

Не стовариваясь, компаньоны прибавили ходу, так что Франческо, мешком болтавшийся в седле и продолжавший лепетать себе под нос невразумительную чепуху, изрядно отстал. Над дремлющей рощей снова пролетело паническое ржание, но теперь к нему добавилось донельзя знакомое обоим рыцарям короткое скрежещущее лязганье металла о металл.

Переплетенные кроны могучих деревьев слегка расступились, позволяя робким лунным отблескам проникнуть в глубину перелеска. Обманчивого голубоватого света вполне хватало, чтобы разглядеть вытянутую в длину поляну (похоже, бывшую вырубку), утонувшую в высоких побегах кипрея. Ближе к дороге в густом подлеске запуталась оседланная кобыла – время от времени она задирала морду и тоскливо ржала, потеряв всякую надежду выбраться без посторонней помощи.

Посреди же вырубки яростно сражались двое, и, увидев их, Гай торопливо забормотал спасительный Pater Noster, а склонный более просто выражать свои чувства Мак-Лауд сплюнул и замысловато выругался на родном гаэльском, щедро добавив в свое высказывание крепких словечек из норманно-французского и неведомо как запавшей к нему в голову вульгаты. Сэр Гисборн еле справился с желанием последовать примеру диковатого компаньона. Ругательства, как говорят, тоже обладают способностью отгонять нечистую силу, а в ее нынешнем зловещем присутствии Гай не сомневался.

Краем уха сэр Гисборн услышал позади сдавленный писк, полный ужаса, и оглянулся. Подъехал Франческо, почти лежавший на шее лошади, вцепившись обеими руками в ее коротко стриженную гриву. Судя по всему, он предоставил животному полное право выбирать дорогу, и покладистая кобылка терпеливо рысила вслед за двумя усакавшими вперед неожиданными попутчиками и спасителями.

Молодого итальянца совершенно не заинтересовал бой на поляне. Он напряженно всматривался в дальний конец вырубки, и даже подался вперед, чтобы разглядеть получше. Гай, проследив направление его взгляда, невольно охнул: надежно укрытые глубокой тенью, между стволами еле различались очертания двух лошадей и державшего их под уздцы человека. Тонкий силуэт вполне мог принадлежать мальчику-подростку, или, что представлялось более вероятным, женщине – мистрисс Изабелле либо иной даме из разгромленного обоза. Притаившаяся на опушке незнакомка терпеливо ждала исхода схватки, вполне могущего стать для нее роковым, хотя могла бы под шумок скрыться. Очевидно, она не хотела покидать своего защитника или догадывалась, что побег бесполезен.

«Меня ведь предупреждали, – молнией с ясного неба полыхнуло в голове сэра Гисборна запоздалое соображение. – Мне ведь ясно намекнули, чтобы мы не ехали вслед за обозом, а отправлялись на пристань. Чего хотел этот загадочный тип с лицом аристократа – спасти нас? Или наоборот, сделать так, чтобы мы не узнали о происходящем? В таком случае вы здорово просчитались, мессир Как-вас-там: мы здесь и мы непременно вмешаемся!»

Схватка на несколько мгновений прервалась – один из соперников, увернувшись, отскочил назад и торопливо глянул через плечо на лес. Вряд ли он заметил прибытие новых действующих лиц, скорее всего, хотел убедиться, что его спутница пока находится в безопасности. В отличие от своего противника, он, вне всякого сомнения, относился к роду людей. Висевшая над поляной полутьма позволяла увидеть немного: среднего роста человек, вроде бы светло-волосый, одетый в кожаную куртку со стальными нашивками (они иногда вспыхивали в лунном свете) и настолько умело справляющийся со своим клинком, что порой расплывчатая белая полоса казалась продолжением руки. Мысленно Гай отдал должное мастерству незнакомца и прикинул, нельзя ли, держась возле деревьев, подобраться ближе к сражающимся. Мак-Лауда, похоже, посетила та же самая мысль – он выразительно оглянулся на компаньона и молча обвел прогалину взмахом руки, указывая наилучший путь.

Франческо, как выяснилось, совершенно правильно назвал противостоявшее неизвестному человеку существо «чудовищем». Гай не мог толком его рассмотреть и в глубине души только порадовался этому. Создание точно имело две руки, две ноги, голову и туловище, но ростом приближалась к семи футам. Оно носило доспех – во всяком случае, Гисборн счел непонятые угловатые выступы, торчавшие на плечах и сгибах локтей существа, за острые закраины лат. Вот только Гай представления не имел о способе полировки металла, заставлявшем его даже в слабом лунном свете блестеть, как зеркало или гладкая поверхность озера.

Но наиболее пугающим казалось даже не само творение мрачных сил, неизвестно чьим попустительством отправившееся бродить по миру людей, а его оружие. На ладонь или две длиннее мак-лаудовской клейморя, жутковатого вида лезвие с массивной крестовиной напоминало застывший язык пламени или ядовитую змею, превращенную в холодное железо. Обуюдоострые кромки меча в темноте переливались бледными, но отчетливо различимыми в темноте мертвенно-зеленоватыми искрами, и малейшее движение клинка оставляло широкий холодный след, похожий на обрывок тонкой мерцающей ткани. Существо не издавало никаких звуков, даже доспехи не громыхали, только меч при соударении с клинком противника лязгал коротко и жестко.

«Всего в трех лигах от нас – город Тур, полный живых людей и находящийся под благодетельной защитой святого, – отстранено подумал Гай, неотрывно следя за продолжающимся сражением. Человек знал, что проиграет, но не сдавался. – А здесь тишина, сгущающаяся темнота и призрак со светящимся мечом. Куда мы попали? По-прежнему ли вокруг нас та же земля, по которой мы ехали утром? Может, за низиной и туманом начинается что-то иное?.. Господи, не дай мне убояться ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке...»

Жалобное поскуливание и неразборчивое бормотание за его спиной внезапно оборвались, и дрожащий голос с невероятно усилившимся итальянским акцентом произнес:

– Сделайте же что-нибудь... Спасите их... Неужели вы будете просто смотреть, как они погибнут, и сможете после этого жить спокойно?

– Луна поднимается, – шепотом проговорил Мак-Лауд, и Гисборн заметил на лице попутчика незнакомое выражение: настороженное, хищное и радостное одновременно. – Изгнанные возвращаются... Можно сразиться с живыми, но не с теми, кого больше нет... – шотландец медленно поднял правую руку, отводя ее назад. Пальцы коснулись рукояти меча, плотно сомкнулись на ней и потащили клинок наружу. Сталь еле слышно шипела, задевая за оковку устья ножен. – Всегда остается выбор – сделать шаг или промолчать...

– Дугал, очнись, – сердито буркнул Гай. – Ты что несешь, варварская душа?

Ответить Мак-Лауд не успел. Незнакомец в кожаной куртке с нашитыми поверх металлическими пластинами удачно отбил выпад мерцающего клинка, направленный сверху вниз, отступил, запнулся о кочку в траве, что-то невнятно выкрикнул... Его безмолвный противник неожиданно легко для одоспешенного крутанулся, добавляя к собственной тяжести меча силу увлекающего вперед движения, и сплеча нанес удар. Зеленоватое сияние на краткий миг

поблекло, человек, не успев даже вскрикнуть, переломился пополам и грузно упал в серебриющую под луной траву, смяв ее и обильно забрызгав густой черной жидкостью. Выбитый из руки клинок шустрой рыбкой нырнул в заросли кипрея.

Победитель сделал несколько шагов в сторону, остановился и неуклюже повел по-бычьей наклоненной вперед головой. Теперь Гай понял, что существо носит глухой шлем странной округлой формы, украшенный какими-то накладками, смахивающими на распахнутые крылья. Оно не стало проверять, умер ли его соперник, оно искало следующую жертву.

– Сейчас его заинтересуем мы, – Гай не узнал собственного голоса, фальшиво бодрого и самоуверенного до безрассудства. – Однако за нами преимущество – мы верхом и нас двое.

– Ага, – столь же безмятежно кивнул Дугал и подобрал поводья заплывавшего на месте жеребца. – Я попытаюсь его отвлечь, а тебе придется обойти его сзади. Не слишком честный поступок, конечно... Смотри!

Прятавшаяся среди деревьев женщина покинула свое убежище и вышла на поляну. Она не пыталась скрыться и уж точно не собиралась умолять о пощаде, просто уверенно продиравшись через мокрую поросль, высоко подоткнув подол, чтобы не мешался под ногами. Существо, услышав ее шаги, повернулось и слегка приподняло меч. На мертвенно светящемся лезвии мутно выделялись темные разводы.

Глава четвертая Риск – дело благородных?

Неподалеку от переправы через реку Эндр, Аквитания.

16 – 17 сентября 1189 года, ночь и утро.

В полной тишине незнакомка преодолела два десятка шагов, разделявших ее и безмолвного призрака, гибко нагнулась, поднимая из травы уроненный ее защитником меч, и остановилась напротив высокой фигуры, казавшейся сейчас черной прорехой в лесном сумраке. Поляну освещали только скупые лунные лучи да зеленоватое мерцание клинка в руке зловещего существа, однако Гай не сомневался, что перед ними не кто иная, как мистрисс Изабелла. И, кажется, она всерьез намеревалась бросить вызов неведомому призрачному созданию.

Меч оказался для нее слишком тяжелым, потому девушка взяла его обеими руками. Качнулась взад-вперед на носках, примериваясь, и замерла, внимательно следя за своим противником.

– Она начинает мне нравиться, – вполголоса заметил Мак-Лауд. – Пусть склочница, зато может постоять за себя.

Неведомое существо, облаченное в поблескивающий доспех, наконец заметило нового противника, и с тяжеловесной грацией сделало выпад, рассчитывая первым же ударом проткнуть назойливого смертного. У девушки в жизни не хватило бы сил отбить направленный сверху вниз удар, зато она сумела ловко подставить свой меч и отвести летящий на нее клинок в сторону. Воспользовавшись мгновенным замешательством противника, не слишком изящно прыгнула вперед и рубанула наискосок, целя в место соединения частей доспеха. Над поляной раздался чистый высокий звон – похоже, мистрисс Изабелле удалось если не ранить, то хотя бы зацепить врага.

В следующее мгновение она еле увернулась от обрушившейся на нее зеленоватой молнии и отбежала в сторону, на вытопанную в ходе предыдущей схватки проплешину. Существо последовало за ней, наотмашь пластая воздух своей стальной змеей, явно пытаясь запугать девушку и лишиться даже малейшей возможности атаковать. Та попятилась, бросая растерянные взгляды по сторонам в поисках путей к бегству и наверняка запоздало сожалея, что ввязалась в несвойственное слабому полу дело.

– Приготовились, – Гай собрал поводья в левую руку и тряхнул правой кистью, проверяя, хорошо ли лежит в ладони шероховатая рукоять меча, обтянутая жесткими полосками выделанной телячьей шкуры. – Пусть только отвернется...

Мистрисс Изабелла еще дважды сумела отразить удары, грозившие развалить ее наполам, но нападать сама больше не решалась, шаг за шагом отступая к темной стене леса. Возможно, она надеялась, что создание со светящимся клинком не станет преследовать ее среди деревьев.

Запутавшаяся в подлеске лошадь жалобно заржала, зовя на помощь, и девушка, забывшись, оглянулась на крик попавшего в беду животного. За что немедленно поплатилась – зеленоватое мерцание устремилось вверх от земли, лязгнуло по клинку в руках человека и увлекло полосу кованого железа вслед за собой. Оставшаяся безоружной женщина с недоверием уставилась на свои опустевшие ладони и сделала несколько мелких шажков назад, путаясь в травяных зарослях.

Дальнейшие события произошли почти одновременно, и Гаю показалось, что он видит их во сне, настолько отчетливо выделялось каждое действие. На самом деле все происходящее заняло не более пяти-шести ударов сердца, и позже никто не смог в точности вспомнить, что делал в эти жуткие, растянувшиеся мгновения.

Франческо отчаянно взвыл, его лошадь захрапела и в испуге присела на задние ноги.

Существо занесло меч, искрившийся всеми переливами зеленого и изжелта-белого.

Девушка вскинула руки и пронзительно выкрикнула несколько странно прозвучавших слов.

Гай Гисборн вонзил шпоры в бока своего скакуна, посылая того вперед, и тут же рядом с ним пролетело нечто яростно визжащее и оскаленное.

Визжал, разумеется, Билах. Злобный серый жеребец наконец-то получил возможность проявить себя во всей красе и рванулся с места нелепыми огромными прыжками, больше подходящими зайцу, нежели лошади. Гай видел, как взлетают и опускаются тяжелые, подбитые шипастым железом копыта, ломая толстые стебли кипрея и выбивая в земле глубокие ямки. Еще он успел заметить размытый отблеск тусклого лунного света на лезвии поднимающейся вверх клейморя, и шестым или седьмым чувством понял, что от готовящегося удара не защитит никакая броня и никакие чары.

Призрак не шевелился, громоздась жутковатым поблескивающим изваянием, и его изготовленный к последнему выпадку меч завис в воздухе языком холодного мертвого огня. Мистрисс Изабелла продолжала монотонно произносить фразу за фразой на смутно знакомом Гаю языке, и эти звуки крепче любых цепей удерживали невиданное в мире людей создание на месте. В какой-то миг ее голос дрогнул – она заметила несущегося галопом через вырубку всадника – но чтение не прервалось.

Раздался короткий сухой треск, как будто клинок Мак-Лауда врезался не в металл доспехов и не в живую плоть, а с маху разрубил прогнившее дерево. Будь на месте призрака человек, он бы точно лишился головы, существо же неуверенно качнулось и плоско, не сгибаясь, обрушилось вперед, гулко стукнувшись о землю. Светящийся меч ослепительно полыхнул болезненно-желтым светом и погас, однако по краям доспехов по-прежнему горело тусклое голубоватое пламя.

Время дрогнуло, сбросило оцепенение и с привычной быстротой помчалось дальше, от понятного прошлого к загадочному будущему, минуя тревожное настоящее.

Кажущийся в темноте голубоватым конь перескочил через тело поверженного противника и понесся дальше, не слушая резкого окрика хозяина. Разогнавшегося скакуна не остановила бы и каменная стена. Тонкая фигурка шарахнулась в сторону, уходя с пути мчащегося животного, но оказалась недостаточно проворной. Билах задел ее плечом, девушка отлетела назад и неуклюже шлепнулась в траву. Гай, внезапно осознавший, что его собственная лошадь тяжеловатой рысью несется через поляну неведомо куда, рывком натянул поводья, останавливая коня и разворачивая к просвету дороги. Оттуда доносились тревожные призывы и хруст растений, ломающихся под ногами идущего напролом человека. Франческо пришел в себя и отправился разыскивать упавшую Изабеллу.

Он нашел ее быстрее, чем занявшийся тем же сэр Гисборн – девушка успела самостоятельно сесть и ошеломленно трясла головой. Ноттингамец услышал ее неуверенный голос, спрашивавший, что случилось, и торопливую речь Франческо, опять заговорившего на родном языке. Гай направился к ним, собираясь узнать, как обстоят дела, но тут уже поднявшаяся на ноги и озиравшаяся по сторонам мистрисс Изабелла обмякла, свалившись на руки своему приятелю.

– Обморок? – понимающе спросил сэр Гисборн, подъезжая ближе.

– Si... Да, – растерянно ответили из темноты.

Отправляясь в путь, предусмотрительный Гай захватил с собой толстый войлочный плащ, сейчас скатанный и притороченный позади седла. Дернув за ремни, он подхватил начавший падать сверток и бросил в сторону голоса Франческо:

– Лови, завернешь ее. До деревни все равно не доберемся, так что придется разбить лагерь прямо в лесу. Сможешь поднять свою приятельницу? Тогда я доведу ее до опушки.

– Grazie tante... большое спасибо, – пропыхтел Франческо. – Я сейчас...

Общими усилиями потерявшую сознание Изабеллу удалось взгромоздить на спину равнодушно отнесшегося к этому солового коня, и Гай шагом поехал в сторону темного древесного строя, придерживая все время норовящую соскользнуть вниз женщину. Франческо пошел рядом, ухватившись за стремя и спотыкаясь о невидимые в темноте травяные кочки.

Месяц прятался за верхушками деревьев, и завершение вырубki определилось только по более глухому стуку копыт, теперь ударявших по дерну и слою опавших листьев. Шагов через десять конь остановился, и доверявший чутью животных сэр Гисборн спрыгнул на землю, передав закутанную в плащ девушку своему спутнику. Кажется, они вышли на небольшую поляну, но рассмотреть поточнее Гай не мог. Вдобавок его беспокоило затянувшееся отсутствие Мак-Лауда и он несколько раз пронзительно свистнул, указывая свое местонахождение. С вырубki долетел ответный свист, сопровождаемый частым топотом, звоном упряжи и треском ломающихся веток – Дугал собрал всех потерявшихся и брошенных лошадей и теперь гнал получившийся табунок через лес.

Рядом ожесточенно зачиркали кремнем, высекая крохотные оранжевые искорки. Пару раз Франческо, промахнувшись, угодил себе по пальцам, и сдержанно зашипел. Наконец, ему удалось поджечь заранее приготовленный кусочек трута, запалить от него сухую ветку и осветить крохотную часть окрестного пространства.

Никто доселе не проронил ни слова, но все с небывалой поспешностью бросились обустроить лагерь, словно надеясь, что обычный ритуал знакомых с детства обязанностей и дел поможет забыть то, чему они стали свидетелями. Франческо, убедившись, что обморок девушки перешел в неглубокий сон, занялся будущим кострищем, торопливо выдирая траву и складывая круг из подвернувшихся камней. Мак-Лауд ушел к лошадям – краем уха Гай слышал его шаги, звяканье расстегиваемой сбруи и облегченное фыркание освобожденных от поклажи животных. На долю Гая выпал сначала сбор валяющегося в округе хвороста, затем рысканье в поисках упавших и достаточно сухих деревьев, годных на топливо.

«Интересно, чей лес – владение короны, общинный или здешнего барона? – мимоходом подумал он, оступаясь и проваливаясь в яму между корнями, неглубокую, зато полную дождевой воды. – Когда приедем в деревню, надо будет выяснить и заплатить за ущерб».

Потрескивающий костер начал разгораться, становясь все ярче и распространяя вокруг долгожданное тепло. Гай порылся в набросанных горой переметных сумках и вьюках – своих и компаньона – разыскивая пару небольших медных котелков и купленные в Туре припасы. Следовало побыстрее приготовить что-нибудь горячее, иначе они все скоро начнут щелкать зубами, причем не столько от холода, сколько от возвращающегося страха перед увиденным и пережитым. Когда очнется девушка, наверняка добавятся слезы в три ручья... Кстати, о ручьях. Где бы раздобыть воды? Бродя по лесу, Гай слышал отдаленный плеск, но не мог точно указать, откуда доносится журчание.

Брякнувшими котелками тут же завладел Франческо, без единого слова уйдя в темноту. Судя по всему, он хорошо знал эти места, потому что вскоре вернулся, повесил наполненные сосуды над огнем и присел рядом на корточки, съежившись и крепко обхватив колени руками. Откуда-то возник Мак-Лауд, сложил подальше от огня тяжелые седла и какие-то увесистые мешки, вытащил из кучи хвороста ветку подлиннее и посмолистее и сунул ее в пламя. Уцелевшие листья затрещали, сворачиваясь в черные обугленные комочки. Вскоре буковый сук пре-

вратился в маленький ненадежный факел, разбрасывающий дождь искр и грозящий в любой миг погаснуть.

– Ты куда собрался? – через силу поинтересовался Гай. Больше всего ему хотелось присесть и постараться на краткое время позабыть обо всем случившемся, а лучше всего – вздремнуть.

– Глянуть, кого я прикончил, – кратко ответил шотландец, поворачивая ветку в огне, чтобы разгорелась получше.

– Посмотришь утром, куда он не денется.

– Кто знает... – с этой загадочной фразой Мак-Лауд поднял свой факел и канул в плывущую мимо прохладную сентябрьскую ночь. Франческо поднял голову и, слегка запинаясь, проговорил:

– Ваш друг, мессир, бесстрашный человек. Я бы ни за что не решился...

– Скорее, безрассудный, – с досадой бросил сэра Гисборн, поднимаясь. – Вечно лезет, куда не просят... Будь добр, пригляди за костром, я сейчас вернусь.

* * *

Пробираясь через лес к краю вырубки, Гай честно пересчитал все коряги и промоины, и всерьез заподозрил, что самодельный факел не многим помог Мак-Лауду. Мелькающий бело-оранжевый язычок, скорее, послужил неплохим ориентиром для него самого, указывая дорогу среди молчаливых буковых деревьев. Мысленно сэра Гисборн отругал себя за излишнее любопытство: если Дугалу приспичило посреди ночи иди таращиться на покойника (который, вдобавок, наверняка не относится к роду людскому!), то эта выходка целиком и полностью на совести шотландца. Он, Гай, мог с спокойной душой остаться возле радостно пляшущего костра и немного отдохнуть от всех странностей последних суток.

Ветка-факел почти догорела, так что своего компаньона Гай отыскал не по источнику света, а по голосу. Дугал тихо, но на редкость изошренно проклинал весь мир, замерев посреди поляны и освещая гаснущим факелом нечто, валяющееся у него под ногами.

– Нашел что-нибудь? – мрачно осведомился сэра Гисборн, подойдя... и едва успел шарахнуться назад от полоснувшего воздух короткого клинка, замершего на расстоянии пальца от его живота.

– Никогда больше так не делай, – буркнул сумасшедший кельт, убирая нож. – Ненавижу, когда ко мне подкрадываются.

– Я не подкрадывался, – после столь негостеприимного приема Гаю сразу расхотелось спать и в очередной раз вспомнилось пока еще не выполненное обещание доказать Мак-Лауду, что не только он один в Англии умеет владеть мечом. Однако, взглянув на шотландца попристальнее, Гисборн насторожился: – Что-то случилось?

– Сам полюбуйся, – Дугал раздраженно ткнул чадающей веткой в застрявший между высокими стеблями кипрея округлый шлем, украшенный, как выяснилось при близком осмотре, коваными накладками в виде полуразвернутых крыльев летучей мыши. Там, где пламя слегка прикоснулось к тускло поблескивающему металлу, он стремительно покрылся расплывающимися темными пятнами, похожими на плесень. Нижняя часть шлема, почернев, начала крошиться и невесомыми кусочками серого пепла осыпаться в траву. – Шагах в двух валяется остальное, и с ним происходит то же самое! Влип я из-за вас в дерьмо по самые уши! Как знал – не надо никуда ехать!

– Погоди, погоди, – остановил разошедшегося компаньона Гай, зачарованно уставясь на пожираемый ржавчиной и на глазах рассыпающийся шлем неведомого существа. – Объясни толком, во что ты влип и при чем здесь мы? И где... куда подевалось тело этой твари? Она что, сняла доспехи и удрала, пока мы тут возились?

– Это слуа, – сказал, как выплюнул, Мак-Лауд. – Нет у них тела и никогда не было. Проклятье, что теперь делать... Ведь привяжется и не отстанет.

Гай, уже открывший рот, чтобы спросить, кто такие или что такое «слуа», вдруг передумал и нахмурился. Ему доводилось слышать это коротенькое словечко раньше, еще в маноре Локсли, отцовском владении. Оно всегда произносилось одинаково, вне зависимости от происхождения и характера рассказчика – с оглядкой, торопливо сотворенным знаком креста и плохо скрываемым страхом. Пропавший скот, находящийся потом растерзанным на кусочки, причем расправа совершалась отнюдь не звериными клыками; исчезнувшие люди, в основном молодежь – как вилланы, так и люди благородного сословия; болезни, которые не брался лечить никто из лекарей; безжалостный смех в темноте и призрачные всадники, летящие в грозные ночи по небу – все это звалось слуа, войско неуспокоенных душ, а может, духов древних богов, изгнанных из прежних владений и живущих ожиданием мести. Слуа ненавидели людей, не боялись ни имени Господа, ни молитв, ни святой воды, разве что недолюбливали холодное железо и горящий огонь.

Вспомнив все это, Гай неожиданно задал себе вопрос: каким образом подобное существо могло очутиться посредине Аквитании? Конечно, для призраков расстояния не имеют особого значения, и все же, как ему казалось, духам не разрешалось покидать место, которое некогда им принадлежало. Слуа обитают (если это можно так выразиться) только в Британии, здешними краями владеют иные создания. Следовательно, ни один из них не может ступить на землю континента, иначе все законы Бога, природы и магических существ отменяются! Может, Дугал ошибся, назвав сгинувшую тварь этим словом?

– Это не может быть слуа, – убежденно заявил Гай. – Мы во Франции.

– Значит, здесь их кличут по-другому, – отрезал Дугал. – Для меня эта дрянь все равно останется слуа. Что я, первый раз их вижу? Этот, – он зло пнул останки шлема, успевшего почти полностью развалиться, – сегодня ночью больше не вернется. Но может нагрянуть завтра, целехонький, причем не один, а с приятелями. Дернуло же меня... Какая разница, как он сюда попал?! Значит, нашелся умник, способный либо заплатить этим ходячим покойникам их ценой, либо приказать...

Мак-Лауд не договорил, оборвав сам себя и уставившись на попутчика.

– Что же получается, люди добрые? – после долгого молчания спросил он, обращаясь непонятно к кому. – Кто-то настолько невзлюбил обыкновенный торговый обоз, что решился вызвать слуа, расплатиться по их цене и натравить? Теперь понятно, отчего на болоте не осталось ни одной живой души. Люди, как увидели такую тварь, бросились бежать без оглядки, а лошадям податься некуда, вот они и перемерли.

– Чем им платят? – вырвалось у Гисборна. – Людскими жизнями, как я понял?

– Конечно, не золотом, – хмыкнул Дугал. – Хотел бы я узнать, какая сволочь так развлекается, и побеседовать с ней с глазу на глаз... Что-то мне не доводилось слышать, чтобы слуа по доброй воле шли в услужение к кому-то из людей.

– А если не людей? – растерянно спросил Гай. – Если... – он выразительно ткнул пальцем в землю, не решаясь высказать свою догадку вслух.

– Тогда нам всем конец, – обнадежил компаньона Мак-Лауд. – Завтра ночью вокруг будет скакать десяток вот таких красавцев, и за твою жизнь никто не даст и ломанного пенни. Наши старики раньше помнили слова, которыми можно заставить всяких ночных тварей убраться, но вот беда – я этих слов не знаю. Отличное начало похода, тебе не кажется?

– Лучше не бывает, – огрызнулся сэр Гисборн и ядовито добавил: – Если выживешь, сложишь самую захватывающую из твоих баек.

– Да, рассказ выйдет похлеще, чем история о том, как я на День Всех Святых отправился поискать вход в подземелья под холмами, – неожиданно покладисто согласился Дугал.

– И как, нашел? – поневоле заинтересовался Гай, который уже не раз слышал повести о Полых Холмах и обитающих в них странных созданиях.

– Вообще-то в тот вечер я был пьян в стельку, заблудился в крае, который знал с детства, и утром всем остальным пришлось разыскивать меня, – безмятежно признался Мак-Лауд. – По-моему, вполне справедливый исход.

– Дикарь, – буркнул Гай. – Все вы в своем Хайленде варвары и неисправимые язычники. Послушай, может, для начала стоит расспросить этого мальчишку-итальянца – кто все-таки на них напал? Ведь некоторые из торговцев пали от самых обычных стрел, без всякого колдовства.

– Первая здравая мысль за сегодняшнюю безумную ночь, – вздохнул Дугал. – Кстати, я тут нашел прелюбопытную вещь. Хочешь глянуть?

Он поднял догорающую ветку повыше, вытащил из-за пояса какой-то предмет длиной в полторы ладони и протянул Гаю. Находка имела некоторое сходство с обычной рукоятью меча – такой же формы, так же обернута кожаными полосками, так же расходятся в стороны отшлифованные полосы кованой гарды и пара дополнительных креплений в виде то ли ветвей, то ли змеиных тел, усиливающих целостность лезвия. Отшлифованное яблоко-навершие украшено россыпью маленьких, тускло поблескивающих черных камней. Непонятный предмет вдобавок напоминал огромный причудливый ключ, что Гай, повертев вещицу в руках и удивившись ее тяжести, высказал вслух.

– Похоже, – согласился Мак-Лауд, отбирая свое приобретение и поднося ближе к колеблющемуся свету. – Вообще-то она от меча покойного слуга. Лезвие уже успело истлеть, а эта штукавина осталась, и огонь ей не вредит. Ключ, говоришь? Какую же дверь открывают этим ключом?

Ветка вспыхнула в последний раз и погасла, изойдя сизоватым вонючим дымом. Валявшийся на земле удивительный шлем стал горсткой праха. Среди темного массива стволов мелькало пламя разгоревшегося костра – живое и манящее к себе. Дугал подбросил свою находку в руку и решительно сунул в болтавшийся на поясе кожаный кошель, заявив:

– Все-таки трофей. Вдруг попадетсся скважина, для которой этот ключик будет впору?

– Не уверен, что за такими дверями тебя ждет что-нибудь хорошее, – проворчал себе под нос Гай. Ему опять вспомнилось предостережение незнакомца из таверны в Туре, но теперь он совершенно не мог представить, как к нему относиться и что думать. Их появление здесь спасло жизни Франческо и девушки, но не помогло незнакомцу, пытавшемуся противостоять слуга. Обоз все равно разгромлен и, даже если кто-то уцелел, вряд ли они продолжат путь дальше. Скорее всего, вернуться в Тур и обратятся за помощью к своим тамошним сородичам и компаньонам. Чего добивался господин в малиновом берете – чтобы двое английских рыцарей никогда не узнали об этом нападении или чтобы не помешали слуга завершить свое дело? Кто должен был погибнуть, но остался жив? Или все обстоит совсем не так?

Гай признался, что окончательно запутался в рассуждениях и что логические построения – не его стихия. Он, как утверждали его более образованные друзья из окружения принца Джона, весьма успешно справляется с возложенными на него поручениями, но решительно неспособен построить цепочку последовательностей от одного явления или события до другого. Поэтому все, что ему остается в этом внезапно вставшем на дыбы мире – помнить о своем долге и стараться не наделать ошибок больше, чем необходимо.

«Кстати, надо будет завтра с утра разыскать тело человека, которого убила эта тварь, и отвезти в деревню. Еще нужно заглянуть в низину – вдруг кто-нибудь из выживших торговцев вернулся? Да, и что нам теперь делать с этим парнем и его подружкой? Наверное, они решат добраться до Тура, где безопасно и у них наверняка отыщутся знакомые, способные оказать покровительство и позаботиться об этой парочке. Не забыть обязательно поподробнее расспросить Дугала об этих самых слуга – пускай языческое верование, но я хочу знать, с чем

мы столкнулись и насколько оно опасно. И непременно уговорю его выкинуть дрянь, что он подобрал – не нравится она мне...»

* * *

Франческо по-прежнему сидел, нахохлившись, возле весело пляшущего костра, иногда подбрасывая в гудящее пламя новую порцию хвороста и поленьев. Вода в обоих котелках собиралась закипать, на черной поверхности лопались всплывающие со дна белые пузыри. Услышав приближающиеся шаги и сопровождающий их хруст веток под ногами, молодой итальянец поднял голову, и Гай с некоторым удовлетворением заметил, что спасенный ими мальчишка уже не выглядит перепуганным и замученным. Он даже попытался выдавить из себя улыбку – несколько жалкую, но искреннюю. В следующий миг блестящие глаза потемнели, остановились на фигуре Мак-Лауда, и звенящий от волнения голосок произнес:

– Мессир, прошу прощения, но вы принесли с собой вещь, принадлежавшую этому... этому существу, *oculli*. Лучше ее выбросить. Владение ей не доставит вам никакой пользы, но может навлечь *grande*... большие неприятности. Да-а, крупные неприятности...

– Откуда ты знаешь? – ошарашено спросил Мак-Лауд. – Подсматривал?

– Просто знаю, – Франческо растерянно развел руками. – У меня иногда бывают такие... как по вашему? Предчувствия.

– Гм, – громко сказал Гай. Мальчишка сразу притих, сжался и сделал попытку потихоньку отползти за край отбрасываемого костром круга света. – Кто ты вообще такой, человек?

– Ой! – парень торопливо вскочил, одновременно сделав безнадежную попытку отряхнуть свою некогда красивую куртку от налипшей грязи. – Простите... Честное слово, обычно я веду себя гораздо лучше и не забываю об этикете, – он наклонил голову и представился: – Джованни-Франческо Бернардоне, к вашим услугам – с этого мгновения и до конца моего брэнного существования. Рожден в Ассизи, Умбрийская провинция, от главы цеха суконщиков Пьетро и его весьма добродетельной супруги Лючии. В мире ничем особым себя не прославил, разве что невольно довел почтеннейшего родителя до белого каления и был при первом подходящем случае изгнан из дому с наказом не возвращаться, пока не поумнею.

– В таком случае, боюсь, твоим родителям не придется узреть любимого сыночка еще лет так с десяток, – фыркнул Мак-Лауд. – Что ж ты натворил?

Франческо заложил руки за спину и нарочито гнусавым голосом, явно передразнивая кого-то, с готовностью перечислил:

– Недостойное поведение в общественном месте, оказание сопротивления служителям закона, попытка бегства, а также проявленное неуважение к представителям городского суда и представителям церковного *inquisitio*⁵... И что-то там еще. В общем, за пустяковое выяснение отношений и драку со стражниками – месяц тюрьмы и справедливое родительское негодование.

Мак-Лауд хмыкнул и, перешагнув через сложенные горкой седла, плюхнулся на уложенное возле костра бревно, вытянув к огню ноги в промокших сапогах.

– Я же говорил – в Италии они все такие, – сообщил он через плечо Гаю, недоумевающему, как стоит оценивать подобное представление. У вертлявого юнца, конечно, неплохо подвешен язык, но манеры и поведение – весьма предосудительные... – Что ж, знакомиться так знакомиться. Тот белобрысый, что стоит столбом и явно решает, не устроить ли тебе хорошую взбучку за чрезмерную болтливость – мессир Гай Гисборн, будущий крестоносец и освободитель Палестины от неверных. Меня люди всегда называют Дугалом Мак-Лаудом. Мы из Бри-

⁵ *Inquisitio* (лат.) – следствие.

тании, только он – паршивый сейт-англичанин, а я – чистокровный шотландец. Когда-нибудь я его обязательно зарублю, так что не удивляйся.

– Дугал, прекрати, – не выдержал Гай. – Неужели не надоело корчить из себя человека худшего, чем ты есть?

– Вы едете в Палестину? – в широко расставленных глазах Франческо вспыхнуло такое неподдельное восхищение, что Гаю на миг стало совестно. – Правда? Ой, мессеры, если бы вы знали, как я вам завидую!

– И зря, кстати, – без малейшего уважения заметил Мак-Лауд. – Я вот тоже по собственной глупости потащился, теперь думаю – ради чего? Из-за сокровищ, которые мне наверняка не достанутся, славы, которая целиком и полностью выпадет королям или пары строчек в какой-нибудь задрипанной летописи, где все будет перепутано?

– Разве в таком деле, как спасение Иерусалима, имеет какое-нибудь значение земная слава? – сдержанно и очень серьезно осведомился Франческо. Дугал от неожиданности кашлянул и промычал нечто маловразумительное, не найдя, что ответить. Гай мысленно удивился: купеческий сынок, похоже, бредил теми же мечтами, что и добрая половина молодого дворянства Европы – заморские земли, Священный Град, сражения с неверными и подвиги во имя Господа...

Вода в котелках выбрала самый подходящий миг, чтобы закипеть и с шипением выплеснуться через край, заливая костер. Франческо заполошно взмахнул руками и бросился подкладывать сухие дрова, вполголоса чествуя себя за невнимательность.

Когда общими усилиями на стоянке навели порядок, а к запаху горящего дерева примешался аромат готовящейся нехитрой снеди, Мак-Лауд как бы невзначай осведомился:

– Говоришь, меня поджидают неприятности? И какие же?

Франческо растерянно покосился на шотландца. Он изрядно побаивался обоих своих спасителей, но еще не решил, кого больше. Дугал со встрепанной шевелюрой, необычной одеждой и огромным мечом, сейчас прислоненным к поваленному бревну, похоже, внушал больше страха, нежели его молчаливый и более сдержанный попутчик.

– Ю поп... Я не могу сказать, не знаю. Эта вещь... она забирает удачу.

– Правда, Дугал, вышвырнул бы свое сокровище куда подальше, – поддержал итальянца Гай, от тепла и наконец-то наступившего покоя впавший в благодушное настроение. – Зачем тебе эта штука?

– Чтоб была, – на физиономии Мак-Лауда появилось уже знакомое Гисборну выражение непоколебимого упрямства, из чего следовало – загадочной вещице суждено остаться на прежнем месте, в кошеле нынешнего владельца. – Одной неприятностью больше, одной меньше – какая разница? Слушай, Френсис, что с вами стряслось?

Бездумно крутивший в руках сухую ветку Франческо вздрогнул и с треском переломил ее пополам. Гай бросил на компаньона свирепый взгляд: неужели расспросы не могли потерпеть хотя бы до конца очень позднего ужина? Но Дугал принадлежал к людям, разумно считающим, что железо нужно ковать, пока оно не остыло.

– Расскажи, расскажи, полегчает, – продолжал настаивать Мак-Лауд. – Ваш хозяин что, с кем-то повздорил? Мы видели, как вы отправлялись из Тура, и у вас вроде все было в порядке. Перевозчик через Эндр тоже сказал, что вы спокойно проехали мимо него и покатали по дороге на полдень, к Тиссену.

– Они нас ждали, – еле слышно заговорил Франческо, не отрывая взгляда от багровых углей костра. – Рядом с спуском в низину. Около двух десятков человек, на хороших лошадях и с хорошим оружием. Похожи на чью-то дружину, только без гербов или иных знаков. Остановили фургоны и заговорили с мэтром Барди, сперва мирно. Я подобрался ближе, хотел узнать, о чем они толкуют. Они не собирались нас грабить, во всяком случае так заявил человек, который ими командовал.

– Тогда чего же они хотели? – перебил Мак-Лауд.

– Обыскать фургоны, – недоуменно ответил итальянец. – Главарь все время твердил, что Барди забрал нечто, ему не принадлежащее, и пытается увезти из страны. В какой-то миг разговор перешел в ссору, кто-то схватился за меч, а возницу первого фургона столкнули с козел. И тут появились они... Вернее, сначала стало очень холодно, а потом пришли *они*.

– Кто? – на редкость дружным хором спросили оба рыцаря. – Какие еще «они»?

– Тени, – невразумительно отозвался Франческо и съезжился, точно оказался на морозе. Потом торопливо зачастил, не делая пауз между словами: – Живые тени. Я не видел, кто их отбрасывал. Они вылезли из-под фургонов и стали гоняться за людьми. Все равно за кем – из нашего обоза или задержавшего нас отряда. Кого им удавалось окружить, тот падал и больше не поднимался. *Perla Madonna*, начался такой переполох, что Вавилону не снился! Все бросились враспынную. Моя лошадь понесла и скинула меня в болото. Я хотел встать, но тут откуда-то возникло *schifoso*... чудовище с мечом, похожим на мертвый огонь. Оно летело над землей, а тени бежали впереди, как собачья свора. Они прошли совсем рядом со мной, и вслед за ними несся ледяной ветер... Больше ничего не помню, только туман повсюду и чьи-то крики, – он обхватил голову руками, точно боялся, что она расколется от кружившихся в ней страшных воспоминаний. – Потом я услышал ваши голоса, подумал, что хуже не будет, и пошел к дороге. Вот и все.

Франческо затих, ткнувшись головой в колени. Легче, похоже, ему не стало. Мак-Лауд, обернувшись назад, принялся копаться в своих вещах, пока не отыскал купленную в Туре флягу с вином. Зубами вытащив залитую черной смолой пробку, он пустил сосуд по кругу.

– По правде говоря, мне не совсем верится, – после неловкого молчания заговорил сэр Гисборн. – Я не сомневаюсь, что рассказ мессира Бернардоне соответствует истине, – быстро добавил он, заметив, как вскинулся итальянец, – только... Только мы не в каком-то забытом всеми захолустье, чтобы повсюду шастали призраки и разная нежить, а не далее, чем в полулиге от большого города почти в самой середине Франции.

– Полагаешь, для слуха это имеет какое-то значение? – презрительно хохотнул Дугал. – Кстати, что ты имел в виду под «захолустьем»? И вообще, ты можешь выражаться понятнее?

– Нет, – отрезал Гай и повернулся к Франческо: – Не хотелось бы лезть в чужие дела, но вы действительно не перевозили ничего такого... Даже не представляю, как сказать... того, чем эти, как вы выразились, «тени», пожелали бы завладеть?

– Если и везли, мне об этом ничего не известно, – в голосе Франческо прозвучала неподдельная растерянность. – Кроме того, мэтр Барди честный христианин и не взялся бы за доставку вещи, хоть малейшим образом связанной с нечистой силой или чем-то подобным!

– Даже за хорошее вознаграждение? – прищурился Дугал.

– Не все в мире продается и покупается, – с неожиданным достоинством возразил Франческо.

– Тогда я ничего не понимаю, – оборвал грозившую начаться перепалку Гисборн. – Какую цель преследовало это нападение? Кому помешал обычный торговый обоз?

– Вы, к своему счастью, не слишком хорошо знакомы с неприглядной стороной нашего ремесла, сэр, – прозвучал из темноты суховатый женский голос. Франческо, услышав его, взвился с бревна, точно сел напрямик на осу. Вслед за ним поднялись и слегка растерявшиеся компаньоны. – Многие полагают, что смысл существования торговцев заключается именно в том, чтобы изображать подходящую добычу – достаточно беззащитную и, вне всякого сомнения, богатую.

* * *

Мистрисс Изабелла, особа, крайне несдержанная на язык и умеющая неплохо для женщины владеть мечом, вблизи оказалась довольно высокой, худощавой и до смешного похожей на выносливую вилланскую лошадку. Она потеряла где-то свою сетку для волос, жесткие темно-рыжие пряди свисали по обе стороны скуластого лица, усиливая сходство с конской гривой. Девушка неторопливо стянула с рук перчатки из тонкой кожи, расшитые зелеными нитями, сунула их за пояс и, удерживая полы слишком большого плаща Гая, висевшего на ней мешком, присела в вежливом полупоклоне. При свете костра блеснуло серебряное кольцо с черным камешком, надетое на безымянный палец левой руки.

– Судьба любит пошутить, подбрасывая людям самые неожиданные встречи, – невозмутимым тоном произнесла она. – Похоже, я должна быть благодарна за наше спасение именно вам. Причем не столько за мое, сколько за сохранение жизни сего взбалмошного юнца, – она снисходительно кивнула в сторону Франческо, и не дав тому даже открыть рот, добавила: – Я обещала вернуть тебя домой живым и невредимым, и я это сделаю. Помолчи, Феличите. Ты и так достаточно наболтал.

– Феличите? – вполголоса переспросил Мак-Лауд. – Счастливчик?

– Это мое прозвище, – почему-то смутился Франческо.

Девушка наконец подняла взгляд. Гаю почудилось, что его и Дугала мгновенно оценили по каким-то неизвестным меркам, вынесли приговор и прицепили ярлык с наименованием и стоимостью. Чуть вытянутые к вискам глаза цвета морской волны придавали лицу мистрисс Изабеллы умное и хитроватое выражение. Внезапно сэръ Гисборн понял, что ни в какой обморок говорливая девушка не падала, просто хотела без помех вызнаться, с кем свели ее обстоятельства и чего ждать от этих людей.

– Ваши имена мне известны, – продолжила она. – Прошу прощения, вы беседовали достаточно громко, чтобы услышать, даже не стараясь подслушивать. Меня зовут Изабель Уэстмор, или, как предпочитают говорить некоторые мои знакомые, Изабелла Вестьеморри, дочка торговца и племянница купца. Вряд ли благородным господам доводилось слышать такое название – «Уэстморы: Найджел, Наследник и Компаньоны». Найджел Уэстмор – мой дядя, наследник – его сын и мой двоюродный братец Томас, а «компаньоны», как ни странно звучит – я. Шерсть, ткани, кожа, перевозки на север, на юг, на Континент и куда понадобится.

– Вы из Англии? – удивился Гай. Из-за острого языка и вызывающего поведения сей дамы он счел, что мистрисс Изабелла итальянка или откуда-нибудь с Полуденного побережья Франции, но не предполагал, что столкнулся с соотечественницей.

– Из Бристоля, – кивнула девушка. – Мы свободные горожане в пятом, если уже не шестом поколении, – сообщив это, она выжидательно покосилась на отделенных от нее пламенем костра собеседников. Шотландец внезапно проявил сообразительность:

– Может, посидите с нами, мистрисс Изабель? – в его голосе прозвучало нечто, весьма напоминающее вежливость.

– Конечно, почему нет? – девушка подобрала вымокший до колен подол зеленого платья, уселась рядом с Франческо на заботливо подстеленный им кусок мешковины и нарочито внимательным образом принялась к витающим над полянкой запахам. – Кстати, мессеры, я действительно очень вам признательна. До моего чуткого слуха долетело, будто вы направляетесь в Палестину. Я могу для вас что-нибудь сделать: деньги, хорошие лошади, заемные письма, надежные проводники прочее в том же духе? В первом же крупном городе люди моего дядюшки предоставят вам по моей просьбе все необходимое.

Сэръ Гисборн поймал себя на том, что все больше и больше погружается в недоумение. Девушка Изабель явно не собиралась исходить воплями и слезами. Ее самообладанию могли бы

искренне позавидовать многие из обитателей двора принца Джона. Она ничуть не походила на ту вздорную особу, которую они видели в Туре – на поваленном бревне удобно устроилась рассудительная, воспитанная (хотя по-прежнему резковатая в высказываниях) молодая женщина, знающая цену себе и другим. И сделанное ей предложение соответствовало всем принятым законам и традициям: услуга за услугу, добро за добро.

– Нам ничего не нужно, – Гай с легким изумлением понял, что говорит не кто иной, как он сам. – Разве что, если вам не в тягость, расскажите, что здесь произошло? Мессир Франческо...

– У Феличите слишком буйное воображение. Он частенько принимает собственные вымыслы за правду, – покачала головой Изабель, посмотрев на притихшего молодого человека так, будто он доводился ей непутевым, но любимым младшим братом. – На самом деле все намного проще и, к сожалению, куда непривлекательнее. Обычное зрелище людской жадности и стремления поживиться за счет ближнего своего. Не думаю, что вам, мессеры, стоит уделять внимание бедам каких-то презренных торговцев. Спасибо за помощь и за то, что рисковали ради нас, но мы ходим разными путями.

– Не лучшего же вы мнения о благородном сословии, – негромко заметил Мак-Лауд.

– Я помню свое место в мире, – отозвалась девушка. – Мы всегда уважали законы и терпели, если королям приходила в голову блажь выжимать нас до последней монеты и капли крови. Но я также твердо знаю, что солнце встает на востоке, сборщик налогов намного ближе, чем король с его якобы справедливыми законами, а едущий по дороге торговец – полезная, хотя и противная на вид тварь, которую благородным людям можно и нужно грабить, ежели возникает настоятельная необходимость срочно подправить пошатнувшиеся дела. Просто, незамысловато, безопасно и в большинстве случаев совершенно безнаказанно.

– Монна Изабелла... – жалобно заикнулся Франческо.

– Если господам неприятно меня слушать, достаточно сказать об этом, и я немедленно умолкну, – холодно сказала мистрисс Изабель, превращаясь в готовую к нападению мегеру.

– Значит, это были грабители, – Мак-Лауд словно не заметил резкой перемены в настроении девушки. – Сдается мне, мистрисс Злючка, вы знаете, кто они такие. Не поделитесь с нами?

– Мало ли что я знаю... Например, мне известно, кого в ваших краях называют «баохан ши», – сердито отрубил девушка, лишней раз подтверждая, что помнит постоялый двор в Туре и брошенные ей вслед слова Дугала. – Но я отнюдь не тороплюсь кричать об этом на всех перекрестках. Зачем вам какие-либо имена? Не стоит трудиться, притворяясь, что вы собираетесь что-то предпринимать. Вы все одинаковы – думаете только о себе. Да, если неприятности случаются с вами или вашими родичами, вы немедля выдумаете сотню возвышенных слов и броситесь на помощь. А мы что? Так, пыль под ногами!

«Мало одного любителя почесать языком, так теперь их двое свалилось на мою голову, – уныло подумал Гай. – Надо ее остановить, не то до самого рассвета будет упражняться в злословии, а толком ничего не скажет».

– Помолчите-ка оба, – внушительно произнес сэр Гисборн. – Мистрисс Уэстмор, вы, похоже, умная девушка, но неужели ваши родные не уделили времени вашему надлежащему воспитанию? Если вы не верите в справедливость и защиту закона по отношению к вашему сословию, это целиком и полностью на вашей совести. Однако мне больше не хотелось бы слушать подобные речи. Еще мне кажется, что вам в первую очередь стоило бы подумать о ваших друзьях и знакомых, которые погибли там, на болоте, и о том, что вряд ли кто-нибудь из них заслужил такую смерть. Вы хотите, чтобы все так и осталось? По этой дороге еще не раз пойдут обозы, ничем не отличающиеся от вашего, и кого им винить в своих бедах? Не вас ли, потому что вы не пожелали никому ничего говорить? Ваш друг расстался с жизнью, защищая вас, а вы не хотите даже попытаться отыскать и наказать виновного?

Дугал восхищенно присвистнул и яростно закивал, жестаи показывая, что полностью одобряет все сказанное и присоединяется. Франческо растерянно привстал, на всякий случай приготовившись к худшему. Изабель, с которой, похоже, никогда так не разговаривали, закусила губу, уставилась на Гая сухо блестящими злыми глазами, потом отвела взгляд и неохотно произнесла, глядя куда-то в сторону:

– Извините, сэ. Я... Я слишком разозлилась.

– Впредь постарайтесь следить за собой, – оборвал ее сэ. Гисборн, мимоходом подумав, что ему удастся без запинок произносить столь длинные и назидательные речи только в случае, когда он начинает всерьез злиться. – Так мы будем говорить или?..

– Будем, – устало вздохнула девушка, и тут же с протяжным воплем вскочила и бросилась к костру, успев мимоходом шлепнуть отвлекшегося Франческо по затылку: – Peeparollo, раззява, куда смотришь? Горит же все! Предпочитаете угольки грызть на голодный желудок?

Глава пятая

Крупницы правды в горсти лжи

Люзиньян, Аквитания.

19 – 20 сентября 1189 года. Весь день.

С утра небо затянуло низкими серыми тучами, не предвещавшими путешественникам любых сословий ничего хорошего, а после полудня зарядил дождь. Не быстротечный ослепительный ливень, после которого все кажется новеньким и только что появившимся на свет, а воздух опьяняет, точно молодое вино, но мелкая накрапывающая мокрядь. Она сводила с ума своим монотонным шелестом по сукну низко надвинутого капюшона, и, подобно зеленоватой плесени, проникала везде, облепляя вещи скользким тонким слоем измороси.

Наезженная и разбитая тележными колесами дорога к середине дня превратилась в грязевую реку, и Гай слышал, как его конь почти по-человечески вздыхает, в неслучайный раз вытаскивая глубоко увязшие в густом месиве ноги. Промокло все, от суконных плащей до металлических частей на сбруях лошадей и хранившихся в толстых мешках кольчуг, и Гисборн с мрачным весельем размышлял о том, что если до вечера не встретится человеческого жилья, придется снова разбивать лагерь в лесу. Хуже представить нечего: костер не развести, одежду не высушить, кожа седел непременно покоробится и начнет натирать лошадям спины, по бронзовым и стальным пряжкам расплзутся пятна ржавчины, а вдобавок придется спать на мокрой подстилке – благодарю покорно!

Здесь он не знал, и потому все, что мог сказать о расположении маленького отряда из четырех человек на лике земли – они медленно продвигаются по тракту где-то лигах в двух-двух с половиной от Пуату, родины королевы Англии Элеоноры Аквитанской и столицы одного из древнейших графств Франции. Города, давно оставшегося позади, Гай толком не рассмотрел: приехали вечером, уехали утром. Все, что он успел заметить – красно-коричневые стены подступивших к самой реке укреплений да длинный гулкой деревянный мост в три пролета над серой водой. Впрочем, как верно сказано, «кто видел один город – видел все остальные».

Мимо тянулся унылый лес, пропитавший ненавистной водой до самых корней, да изредка проплывали вдалеке либо башни замка местного барона, либо мелькало скопление грязно-соломенных крыш, означавших деревню. Гисборн затруднялся определить не только свое местонахождение, но и время суток – то ли вечерня, то ли уже давно за повечерие. Солнцу не хватало сил пробиться сквозь свинцовую завесу облаков, а природное чутье назойливо твердило Гаю, что давно пора остановиться, дать лошадям отдохнуть, а людям перекусить.

Сзади раздались ритмичные приближающиеся шлепки и недовольное лошадиное фырканье. Оглядывать сэру Гисборну не хотелось, он терпеливо подождал, когда преследователь поравняется с ним стремя в стремя. Впрочем, Гай догадывался, кто стремится его нагнать, и не ошибся, заметив справа серую конскую морду, тоскливо клонившуюся вниз и ставшую от дождя черной.

– Всегда казалось, что худшая из кончин – это утонуть, – голос Мак-Лауда звучал не так бодро, как обычно. Шотландец резким движением сбросил капюшон и яростно замотал головой, пытаясь хоть немного отряхнуться. Мокрые слипшиеся пряди некогда роскошной гривы теперь походили на грязную свалявшуюся шерсть, по косичкам текла вода. – Еще немного, и

начнем пускать пузыри, а потом обзаведемся рыбьими хвостами. Я уже чувствую, как у меня растет чешуя. Может, сделаем привал?

– Здесь? – Гай пренебрежительно махнул рукой в сторону пожухлых перелесков вдоль обочины. – Тогда мы точно захлебнемся еще до наступления ночи. Что говорят наши проводники?

– Клянутся всеми святыми, что через две лиги после Пуату на этой дороге обязан стоять городишко Люзиньян и на его окраине нас ждет гостиница, – сообщил Дугал, оглушительно чихнул и вновь спрятался под капюшоном. – Только сдается мне, что мы проехали уже не две лиги, а целых двадцать две... но постоялым двором не пахнет.

– Полнаследства за не протекающую крышу над головой, сухую одежду и горячий обед, – безрадостно посулили слева под размеренное чавканье копыт. Привыкшему к иной природе Франческо приходилось тяжелее всех, однако пока Гай не услышал от него ни единой жалобы. Изабель тоже помалкивала, за что сэра Гисборн мысленно ее поблагодарил: язвительные замечания мистрисс Уэстмор ничуть не способствовали улучшению настроения.

– Это точно дорога, которая нам нужна? – на всякий случай осведомился Гай. Франческо обиженно завозился в глубине своего плаща:

– Конечно, мессир Гисборн. Мы проезжали здесь весной, и я хорошо все помню. Спросите у монны Изабеллы, если мне не верите!

– Да верю, верю, – отмахнулся Гай и, сдвинув край капюшона, оглянулся через плечо. Девушка, которой тяжелая накидка придавала сходство с покачивающимся бесформенным мешком, держалась шагах в пяти позади; следом, понуриив голову и меся копытами хлюпающую грязь, тащилась на длинном поводке заводная лошадь. Еще одну, груженую плотно увязанными выюками и обшитыми холстиной ящиками, вел за собой Франческо. – Как думаешь, сколько осталось до города?

– Не больше четверти лиги, – благоприятное впечатление от уверенности ответа несколько подпортил судорожный приступ чихания. Гай вздохнул, прислушался к невнятному бормотанию Мак-Лауда, рассуждавшего о том, что жизнь в образе рыбы не лишена определенных достоинств, и в очередной раз безуспешно попытался осознать: как вышло, что двое спешащих к Марселю рыцарей обзавелись совершенно неподходящими попугайками да еще дали слово оказывать им всяческую защиту и помощь? Или начало сбываться зловещее предсказание Франческо – рукоять от меча слуга лишила их удачи?

* * *

Ночь, проведенная в шелестящем осеннем лесу возле тянущегося вверх костра вкупе с передаваемым по кругу котелком, где дымится горячее вино, очень способствует разгадыванию всяческого рода загадок и внезапно прорывающейся наружу искренности. Видно, царящая за пределами огненного круга непроглядная темнота заставляет людей не только жаться поближе к свету, но и пытаться заглянуть в потаенные уголки собственной души. Гай и раньше догадывался о подобном, но нынешний случай лишний раз подтвердил его мысли.

Выплеснувшаяся из котла похлебка, разумеется, переварилась и стала похожа на тянувшийся клей, но никто не обратил на это внимания. Безмолвный уговор запретил любые расспросы о случившемся на болоте до конца ужина, дав всем краткую передышку и возможность прийти в себя. Мистрисс Изабель, примолкшая после негодующей речи Гисборна, безропотно взяла на себя обязанности хозяйки «стола» и деловито гремела помятыми оловянными мисками, доказывая, что подобное занятие ей не впервой. На Франческо нашел стих болтливости, он в лицах изобразил перепалку с собственным отцом, слегка развеселив приунывшее общество, а потом неожиданно расстроился, вспомнив, что его драгоценная виола осталась в одном из брошенных фургонов.

– Завтра, точнее сегодня утром заберешь, – обнадежила его Изабель, складывая пустые миски стопкой. – Нам все равно придется туда наведаться. Вдруг еще кому-нибудь повезло? И... и нужно обязательно отыскать... – она запнулась, присела на бревно, едва не рассыпав свою брякающую ношу, и твердо выговорила: – Мне нужно отыскать Анселена и позаботиться, что его похоронили, как должно. И разузнать, что с этой глупой девчонкой Марджори – когда я видела ее в последний раз, она сломя голову бежала к лесу.

– Он был вашим другом? – сочувствующе спросил Мак-Лауд. Девушка ответила уклончиво:

– Другом? Вряд ли... Попутчиком, знакомым, человеком, который рискнул вступить за меня. По правде говоря, мне известно только его имя, Анселен Ле Гарру, и занятие – он служил семейству Риккарди, банкиров из Генуи. Он присоединился к нам в Руане, и у меня сложилось впечатление, будто незадолго до того он побывал в Британии. Так, всякие обмолвки, мелочи, которые опытному человеку бросаются в глаза. Я-то уже второй год безвылазно сижу на континенте, до дома никак не добраться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.